

СБЫВШАЯСЯ ФАНТАЗИЯ ЛЮБОГО
СКУЧАЮЩЕГО ШКОЛЬНИКА!

INDEPENDENT
ON SUNDAY

АЛЕКС РАЙДЕР

СКОРПИЯ

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Алекс Райдер

Энтони Горовиц

Скорпия

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Горовиц Э.

Скорпия / Э. Горовиц — «Эксмо», 2004 — (Алекс Райдер)

ISBN 978-5-04-175774-8

Погони, секреты и квесты! По книгам снят сериал «Алекс Райдер»! Смотрим на КиноПоиск HD! Sony Pictures Television! Увлекательно, мало размышлений, много действий, стильные обложки, герои – современные подростки. Об этих приключениях читать интересно! Энтони Горовиц – первый писатель, к которому лично обратился «Фонд наследия Конан Дойла» с предложением написать новый детектив о Шерлоке Холмсе!!! «Взрывной, волнующий, остросюжетный – познакомьтесь с Алексом Райдером». Guardian. «Горовиц – это просто класс, стильно, но при этом остросюжетно – быть Джеймсом Бондом в миниатюре куда круче, чем быть волшебником». Daily Mirror. «Горовиц вцепится в вас мёртвой хваткой: напряжение, смелость, нахальство – и это только на первой странице!.. Приготовьтесь к экшн-сценам, быстрым, как в кино». The Times. «Энтони Горовиц – лев детской литературы». Майкл Морпурго.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-175774-8

© Горовиц Э., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Дополнительные занятия	5
Дворец вдовы	10
Незримый меч	16
Только по приглашению	21
Наводнение	27
Мысли в поезде	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Энтони Горовиц

Скорпия

Посвящается МН

Дополнительные занятия

Двое воров на 200-кубовом мопеде «Веспа» не могли знать, что выбрали не ту жертву, не в том месте и не в то воскресное сентябрьское утро.

Казалось, словно вся жизнь разом собралась на Пьяцца-Эсмеральде, в нескольких милях от Венеции. Только что закончилась церковная служба, и под ярким солнцем шли домой целые семьи: бабушки в чёрном, мальчики и девочки в лучших костюмах и платьях для причастия. Кофейни и кафе-мороженые были открыты, клиентов было столько, что очереди тянулись по тротуарам. Огромный фонтан – сплошные обнаженные боги и змеи – извергал потоки ледяной воды. А еще там был рынок, где торговали воздушными змеями, засушенными цветами, старыми открытками, заводными птицами и мешками семян для сотен голубей.

И посреди всей этой суеты – дюжина английских школьников. Ворам не повезло в одном: среди них оказался Алекс Райдер.

Было самое начало сентября. Прошло меньше месяца с последней встречи Алекса с Дамьеном Крээм на Борту номер один – в самолете американского президента. За время этого приключения он побывал в Париже и Амстердаме, а закончилось оно на главной взлётной полосе аэропорта «Хитроу». Крэй выпустил двадцать пять ядерных ракет по целям, разбросанным по всему миру, но Алекс сумел уничтожить эти ракеты. Он видел, как умер Крэй. А потом вернулся домой со своим обычным набором синяков и ссадин, где его с выражением мрачной решимости на лице уже ждала Джек Старбрайт. Джек была его экономкой, но еще они были друзьями, и, как и всегда, она беспокоилась за него.

– Нельзя так дальше, Алекс, – сказала она. – Ты вообще не бываешь в школе. Пропустил половину четвёртой четверти, пока был на острове Скелета, а до этого почти всю третью четверть, когда тебя отправили в Корнуолл и эту ужасную академию «Пойнт-Блан». Если всё и дальше так пойдёт, ты завалишь экзамены, и что тогда будешь делать?

– Это не я виноват... – начал было Алекс.

– Знаю, что не ты виноват. Но моя работа – что-то с этим сделать, и я решила до конца лета нанять тебе репетитора.

– Ты серьёзно?!

– Серьёзно. Каникулы еще не так скоро закончатся. А заниматься можешь начать прямо сейчас.

– Не нужен мне репетитор... – запротестовал Алекс.

– Это не тебе решать, Алекс. И мне плевать, какие у тебя есть хитрые приборы и какие трюки ты попытаешься провернуть – на этот раз тебе не сбежать!

Алексу хотелось с ней поспорить, но в глубине души он понимал, что она права. МИ-6 всегда давало ему справку от врача, чтобы объяснить долгое отсутствие в школе, но учителя, похоже, уже махнули на него рукой. Достаточно было прочитать последнюю характеристику:

Алекс по-прежнему проводит вне школы больше времени, чем в школе, и если так и пойдёт дальше, об аттестате о среднем образовании ему стоит забыть. Он, конечно, не виноват в том, что у него целый каталог проблем со здоровьем, но если он отстанет еще больше, то, боюсь, дальше учиться ему особого смысла нет.

Вот так вот. Алекс остановил сумасшедшего певца-миллионера, не дав ему разрушить полмира, и что же он получил в награду? Дополнительные занятия!

Начал он эти занятия в дурном настроении – которое стало еще хуже после того, как он узнал, что репетитор, которого нашла Джек, работает в «Брукленде», его же школе. У Алекса он ничего не преподавал, но все равно это было крайне неловко, и он надеялся, что об этом никто не узнает. Впрочем, постепенно пришлось признать, что мистер Грэй действительно хорош в своем деле. Чарли Грэй был молодым и общительным; он приезжал к Алексу на велосипеде с седельной сумкой, набитой книгами. Он преподавал гуманитарные предметы, но, похоже, отлично разбирался во всей школьной программе.

– У нас всего несколько недель, – объявил он. – На первый взгляд – не так много, но ты удивишься, сколько всего можно успеть за это время. Мы будем работать по семь часов в день плюс домашние задания. К концу каникул ты, наверное, меня возненавидишь. Но, по крайней мере, учебный год ты начнешь более-менее подготовленным.

Алекс не ненавидел Чарли Грэя. Они работали тихо и быстро, переходя от математики к истории, естественным наукам и так далее. Каждые выходные репетитор давал ему контрольные тесты, и оценки Алекса постепенно улучшались. А потом мистер Грэй устроил ему сюрприз.

– Ты хорошо учился, Алекс. Я не собирался тебе об этом говорить, но ты не хотел бы поехать со мной в школьную поездку?

– А куда вы едете?

– Ну, в прошлом году мы ездили в Париж, в позапрошлом – в Рим. Мы ходим там по музеям, церквям, дворцам... и прочему подобному. В этом году мы поедем в Венецию. Хочешь с нами?

Венеция.

Алекс до сих пор не мог забыть последние минуты, проведенные в самолёте – уже после того, как Дамьен Крэй умер. С ним там был Ясен Григорович, русский наёмный убийца, бросивший огромную тень на жизнь Алекса. Ясен умирал, у него в груди была пуля. Но незадолго до смерти он успел рассказать секрет, который скрывали четырнадцать лет.

Родители Алекса погибли вскоре после его рождения, и его воспитывал брат отца, Ян Райдер. А совсем недавно (пусть и казалось, что уже так давно) погиб и Ян Райдер – якобы разбился на машине. Алекс пережил сильнейший в жизни шок, узнав, что его дядя на самом деле шпион, и его убили во время миссии в Корнуолле. А после этого к нему пришли из МИ 6. Им как-то удалось затащить Алекса в свой мир, и с тех пор он работал на них.

Алекс очень мало знал о родителях, Джоне и Хелен Райдерах. В спальне Алекса стояла их фотография: настороженный мужчина с приятным лицом и короткой стрижкой, обнимающий за талию красивую улыбчивую женщину. Отец служил в армии и до сих пор выглядел похожим на солдата. Мать была медсестрой в радиологическом госпитале. Но для него они были незнакомцами, он ничего о них не помнил. Они погибли, когда Алекс был ещё младенцем. В авиакатастрофе. По крайней мере, ему так сказали.

Теперь же он знал, что это не так.

Авиакатастрофа – такая же ложь, как и авария дяди. Ясен Григорович на борту президентского самолета рассказал ему правду. Отец Алекса, как и Ясен, был наёмным убийцей. Они даже работали вместе: Джон Райдер однажды спас Ясену жизнь. Но потом его отца убили агенты МИ-6 – те самые люди, которые заставили Алекса три раза работать на них, лгали ему, манипулировали им, а потом просто выбросили, когда он перестал быть нужным. Поверить в это было почти нереально, но Ясен подсказал ему, как найти доказательство.

Езжай в Венецию. Найди Скорпию. И вместе с ней найдёшь свою судьбу...

Алекс обязан был узнать, что произошло четырнадцать лет назад. Если он узнает правду о судьбе Джона Райдера, он одновременно узнает правду и о себе. Потому что если отец действительно убивал людей за деньги, кто же такой он сам? Алекс чувствовал злость, грусть... и смутение. Нужно найти Скорпию, кем или чем бы она ни была. Скорпия расскажет ему все, что нужно.

Школьная экскурсия в Венецию подвернулась как раз вовремя. А Джек даже не стала его отговаривать. Наоборот, только порадовалась.

– Именно это тебе и нужно, Алекс. Провести время с друзьями, побыть просто обычным школьником. Уверена, ты замечательно проведёшь время.

Алекс ничего не ответил. Ему очень не нравилось ей врать, но сказать правду он просто не мог. Джек никогда не встречалась с его отцом; это была не её война.

Так что он спокойно дал ей помочь со сборами, понимая, что для него поездка явно будет мало связана с церквями или музеями. Алекс осмотрит город – вдруг что-нибудь удастся узнать? Пять дней, конечно, не слишком долгий срок, но для начала и это неплохо. Пять дней в Венеции. Пять дней, чтобы найти Скорпию.

И вот сейчас он стоит на площади в Италии. Прошло уже три дня, а он так ничего и не нашёл.

– Алекс, хочешь мороженого?

– Не, мне и так нормально.

– А мне жарко. Возьму себе ту штуку, которую ты посоветовал. Как ты там ее называл? *Граната*, или что-то такое...

Рядом с Алексом стоял ещё один четырнадцатилетний мальчик – его лучший друг в «Бруклендсе». Он даже удивился, узнав, что Том Харрис тоже едет на экскурсию – тот особенно не интересовался ни искусством, ни историей. Тома вообще не интересовали никакие школьные предметы, и он почти везде получал худшие оценки. Но больше всего в Томе подкупало то, что ему было на это наплевать. Он всегда был жизнерадостным, и даже учителя признавали, что с ним весело. А все недоработки в учёбе Том сполна компенсировал на спортивной площадке. Он был капитаном школьной футбольной команды и главным соперником Алекса на спортивных соревнованиях, регулярно побеждая его в беге с барьерами, четырёхсотметровке и прыжках с шестом. Том был невысоким для своих лет, с торчащими чёрными волосами и ярко-голубыми глазами. В музей его можно было затащить разве что насильно, так зачем же он вообще поехал? Вскоре Алекс узнал, зачем. Родители Тома разводились, причем очень нехорошо, а его решили отправить подальше, чтобы не мешался.

– *Гранита*, – ответил Алекс. Он всегда её заказывал, когда приезжал в Италию: молотый лёд, залитый свежим лимонным соком, что-то среднее между мороженым и напитком. В мире нет ничего более освежающего.

– Слушай, можешь за меня заказать? Когда я пытаюсь у кого-то что-то попросить по-итальянски, на меня таращатся как на чокнутого.

На самом деле Алекс и сам знал лишь несколько фраз. Итальянскому языку Ян Райдер его не учил. Тем не менее, он всё-таки зашёл вместе с Томом в маленький магазинчик возле рынка и заказал два сока со льдом, один для Тома и один – Том очень настаивал – себе. У Тома было много денег. Родители перед отъездом сунули ему целую пачку евро.

– Ты в этом-то году в школу будешь ходить? – спросил Том.

Алекс пожал плечами.

– Конечно.

– В этой четверти тебя практически на занятиях не было, да и в прошлой тоже.

– Я болел.

Том кивнул. На нём были светочувствительные солнечные очки «Дизель», которые он купил в дюйти-фри в «Хитроу». Они были слишком большими для его лица и постоянно сползали на нос.

– Ты же понимаешь, что в это никто не верит, – сказал он.

– Почему?

– Потому что никто не может быть настолько болен. Это просто невозможно.

Том понизил голос.

– Ходят слухи, что ты вор, – признался он.

– Что?

– Вот почему ты в школе не появляешься. У тебя проблемы с полицией.

– И ты тоже так думаешь?

– Нет. Но мисс Бедфордшир спрашивала о тебе. Она знает, что мы приятели. Она сказала, что у тебя однажды были проблемы из-за того, что ты угнал кран, или ещё что-то такое. Услышала об этом от кого-то. Она думает, что ты ходишь на психотерапию.

– Психотерапию? – изумился Алекс.

– Ага. Очень тебя жалеет. Думает, что именно поэтому тебя постоянно нет в школе. Ну, потому что ты ходишь к мозгоправу.

Джейн Бедфордшир, школьная секретарша, была молодой, привлекательной женщиной. Она тоже поехала с ними на экскурсию, как и в предыдущие годы. Сейчас она стояла на другой стороне площади, разговаривая о чём-то с мистером Грэем. Многие шептались, что между ними что-то есть, но Алекс предполагал, что правды в этом не больше, чем в слухах о нём самом.

Часы пробили полдень. Через полчаса в гостинице, где они остановились, начинался обед. «Брукленд» был обычной государственной школой на западе Лондона, так что дирекция решила сэкономить и поселила их не в самой Венеции. Мистер Грэй выбрал гостиницу в маленьком городке Сан-Лоренцо, от которого до Венеции было всего минут десять поездом. Каждое утро они приезжали на вокзал, а потом садились в речной трамвай, который отвозил их в центр города. Но не сегодня. Сегодня было воскресенье, так что с утра они отдыхали.

– Так что, ты... – начал было Том, но осёкся. Всё произошло очень быстро, но ребята успели это увидеть.

По противоположной стороне площади пронёсся мопед – двухсоткубовая «Веста-Гран-туризмо», почти новая. На нём сидели двое мужчин, одетых в джинсы и свободные рубашки с длинными рукавами. На пассажире был шлем с опущенным забралом – чтобы спрятать лицо и защитить голову в случае аварии. Водитель, на котором были только солнечные очки, понёсся на мисс Бедфордшир, словно хотел её переехать. Но буквально за долю секунды до столкновения он свернул в сторону, а пассажир на заднем сидении выхватил у неё сумочку. Всё прошло настолько гладко, что Алекс сразу понял, что работают профессионалы – *скрипатори*, как их называли в Италии. Барсеточники.

Кражу увидел не только Алекс, но и другие ученики. Они кричали и показывали пальцами, но ничего поделать уже было нельзя. Мопед уже нёсся прочь. Водитель низко склонился над рулём, а его подельник положил кожаную сумочку себе на колени и прижал рукой. Они пересекали площадь по диагонали, направляясь к Алексу и Тому. Буквально несколько секунд назад на площади было полно народу, но сейчас она вдруг совершенно опустела, и уже никто не преграждал им путь.

– Алекс! – закричал Том.

– Осторожнее, – предупредил Алекс. Он задумался, не встать ли у «Веспы» на пути, но эта идея была безнадежной: водитель легко сможет от него увернуться, а если вдруг решит не уворачиваться, Алекс действительно пролежит всю следующую четверть в больнице. Мопед

уже разогнался до двадцати миль в час, его одноцилиндровый четырёхтактный двигатель легко выдерживал груз из двух воров. Нет, Алекс не станет преграждать им путь.

Он огляделся, ища взглядом что-нибудь, что можно бросить. Сетка? Ведро воды? Но сеток рядом не было, а фонтан слишком далеко. Хотя бы вёдра есть...

Мопед был метрах в двадцати от него и стремительно приближался. Алекс подбежал к ближайшему лотку с цветами, схватил оттуда ведро, вытряхнул из него засушенные цветы и насыпал в него семян из мешка, стоявшего у соседнего лотка. Владельцы обоих лотков что-то громко кричали, но он не обращал на них внимания. Резко развернувшись, Алекс взмахнул ведром и осыпал семенами «Веспу», которая как раз неслась мимо. Том смотрел на происходящее сначала с изумлением, потом разочарованно. Если Алекс думал, что куча семян собьёт воров с мопеда, то ошибался. Они даже не замедлили ход.

Но его план состоял в другом.

На площади собрались две, а то и три сотни голубей, и все они увидели (или услышали), как из ведра сыплются семена. Два седока оказались полностью покрыты ими – семена завалялись в складки одежды, под воротники, в ботинки. Небольшая кучка скопилась возле паха водителя, немного семян попали в сумку мисс Бедфордшир, немного – в волосы водителя.

Для голубей двое воров внезапно превратились в обед на колёсах. Вихрь из серых перьев спикировал на мопед, казалось, сразу со всех сторон. Одна из птиц вдруг вцепилась водителю в лицо и начала колотить его клювом по макушке в поисках семян. Другой голубь клевал его в шею, третий – между ног, в самое чувствительное место. Сразу два голубя уселись на шею пассажира, третий повис на рубашке, четвёртый попытался влезть в украденную сумочку. А затем налетели новые. Вокруг мопеда, хлопая крыльями и толкаясь, собралось не меньше двадцати голубей, настоящее облако перьев, когтей и – слишком уж возбуждёнными оказались птицы – комочков белого помёта.

Водитель ничего не видел впереди. Одной рукой он пытался удерживать руль, другой схватился за лицо. Мопед развернулся на сто восемьдесят градусов и снова, ещё быстрее прежнего, понёсся на них. Алекс стоял, готовый в любой момент отпрыгнуть в сторону. Казалось, что его вот-вот переедут, но тут мопед снова резко повернул и полетел к фонтану; двух седоков было едва видно за крутящимся облаком перьев. Переднее колесо врезалось в ступеньку фонтана, и мопед свалился на землю. Обоих воров подбросило в воздух, птицы тут же разлетелись враспынную. За несколько мгновений до того, как плюхнуться в воду, пассажир мотоцикла вскрикнул и выпустил сумочку. Она взлетела по широкой дуге, словно в замедленном повторе. Алекс сделал два шага и поймал ее.

А потом всё закончилось. Два вора лежали бесформенной кучей, наполовину погружённые в холодную воду. «Веспа», перекошенная и сломанная, валялась на земле. Два полицейских, которые выбежали на площадь, когда уже было практически слишком поздно, спешили к ним. Владельцы лотков смеялись и аплодировали. Том уставился на Алекса; тот подошел к мисс Бедфордшир и вернул ей сумочку.

– По-моему, это ваше, – сказал он.

– Алекс... – У мисс Бедфордшир даже слов не было. – Как?..

– Научили на психотерапии, – ответил Алекс, потом отвернулся и ушёл обратно к другу.

Дворец вдовы

– А это здание называется Палаццо Контарини дель Боволо, – объявил мистер Грэй. – «Боволо» – венецианское слово, которое означает раковину улитки, и, как вы видите, эта прекрасная лестница действительно немного похожа на раковину.

Том Харрис с трудом подавил зевок.

– Если я увижу хоть ещё один дворец, музей или канал, – пробормотал он, – то кинусь под первый же автобус.

– В Венеции нет автобусов, – напомнил ему Алекс.

– Тогда под водный автобус, или как его там. А если он меня не собьёт, может быть, мне повезёт, и я просто утону.

Том вздохнул.

– Знаешь, в чём проблема этого места? Оно всё выглядит как музей. Офигенно крутой музей. Мне кажется, что я уже полжизни тут хожу.

– Мы завтра уезжаем.

– И вовремя, Алекс.

Алекс не смог заставить себя согласиться. Он никогда не бывал в городе, подобном Венеции – но, с другой стороны, в мире и нет другого города, ей подобного, где узкие улочки и тёмные каналы плотно связаны друг с другом сложным, потрясающим узлом. Каждое здание словно соревновалось со всеми соседними, кто богаче украшен. Короткая прогулка могла перенести через четыре века, каждый угол вёл ко всё новому сюрпризу. Этим сюрпризом мог оказаться рынок на берегу канала, где на столах лежали огромные куски мяса, а на мостовую капала рыба кровь. Или церковь, окружённая водой со всех четырёх сторон, словно плывя. Или большая гостиница, или маленький ресторанчик. Даже магазины были произведением искусства: в их витринах виднелись экзотические маски, стеклянные вазы ярких цветов, засушенные макароны, антиквариат. Да, этот город действительно был музеем – но живым музеем.

С другой стороны, Алекс понимал и Тома. За четыре дня даже он сам уже был сыт по горло. Хватит уже статуй, хватит церквей и мозаик. Хватит толп туристов под палящим сентябрьским солнцем. Как и Том, он уже чувствовал себя откровенно варёным.

А как же Скорпия?

Проблема была в том, что Алекс вообще не представлял, что значат последние слова Ясена Григоровича. Может быть, Скорпия – это человек? Алекс заглянул в телефонную книгу и нашел целых четырнадцать абонентов по фамилии Скорпия, живущих в Венеции и её окрестностях. Может быть, это компания? Или вообще здание, которое так называется? *Скуоле* – специальные дома, которые строят для бедняков. «Ла-Скала» – оперный театр в Милане. Но вот Скорпия... В Венеции не было ни улиц, названных в её честь, ни даже указателей, которые помогли бы понять, где она находится.

Лишь сейчас, ближе к концу поездки, Алекс начал понимать, что поиски были безнадежны с самого начала. Если Ясен действительно сказал ему правду, он сам и Джон Райдер были наёмными убийцами. Они работали на Скорпию? Если да, то Скорпия, очевидно, очень тщательно скрывается... может быть, в одном из этих старых дворцов. Алекс снова посмотрел на лестницу, о которой рассказывал мистер Грэй. Откуда ему знать, что именно эти ступеньки не ведут к Скорпии? Скорпия может быть где угодно. Или вообще сразу везде. А вот Алекс за четыре дня в Венеции так и остался непонятно где.

– Мы пройдем по улице Фреццериа к главной площади, – объявил мистер Грэй. – Там мы поедим сандвичей, а после обеда побываем в базилике Святого Марка.

– Ну офигеть теперь! – воскликнул Том. – Ещё одна церковь.

Процессия из дюжины английских школьников, которую возглавляли оживленно говорившие между собой мистер Грэй и мисс Бедфордшир, двинулась вперёд. Алекс и Том мрачно плелись в хвосте. Остался всего один день, и, как выразился Том, уезжали они как раз вовремя. По его словам, он был уже «окультурен с головы до ног». Но он не возвращался в Лондон вместе с остальными. Его старший брат жил в Неаполе, и он собирался провести оставшиеся несколько дней каникул с ним. А вот для Алекса возвращение станет провалом. Он вернётся домой, начнётся учебный год, и...

И тут он увидел яркую вспышку серебра – солнце отразилось от чего-то на самом краю его поля зрения. Он повернул голову, но ничего не увидел. Вдаль уходил канал. С ним пересекался другой канал. Под мостом проходила моторная яхта. Над каналами – типичные старинные коричневые фасады с деревянными ставнями. Над красными черепичными крышами высился купол церкви. Ему просто показалось.

Но когда яхта повернулась, он увидел это во второй раз и понял, что ему все же не показалось: борт яхты украшал серебряный скорпион, прикрепленный к деревянному носу судна. Алекс посмотрел вслед яхте, свернувшей в другой канал. Это была не гондола и не пыhtящий общественный вапоретто¹, а элегантная частная яхта – полированное тиковое дерево, окна со шторами, кожаные сидения. На палубе виднелись два члена экипажа, оба в безупречных белых пиджаках и шортах: один стоял за штурвалом, другой подавал напиток единственной пассажирке. Та сидела совершенно прямо и смотрела вперёд. Алекс увидел лишь чёрные волосы, вздёрнутый нос и лицо, не имевшее вообще никакого выражения. Затем яхта завершила поворот и исчезла из виду.

Моторная яхта, украшенная скорпионом.

Скорпия.

Эта ниточка, конечно, была призрачной и вряд ли к чему-то вела, но Алексу внезапно захотелось узнать, куда же направляется яхта. Серебряного скорпиона словно послали ему, чтобы привести туда, куда он хотел попасть.

И ещё кое-что тоже заставило задуматься. Женщина сидела абсолютно неподвижно. Как можно ехать по такому потрясающему городу и не выказать вообще никаких эмоций, даже ни разу не повернуть голову влево-вправо? Алекс вспомнил Ясена Григоровича. Он был таким же. Он и эта женщина были похожи друг на друга.

Алекс повернулся к Тому.

– Прикрой меня, – нетерпеливо сказал он.

– Что ещё? – спросил Том.

– Скажи остальным, что мне стало нехорошо, и я ушёл в гостиницу.

– Ты куда собрался?

– Потом расскажу.

С этими словами Алекс исчез, нырнув в очень узкий переулок между антикварной лавкой и кафе, который вёл примерно в том же направлении, куда плыла яхта.

Но практически сразу он понял, что с этим будут серьёзные проблемы. Город Венеция стоял на целой сотне островов – мистер Грэй рассказал об этом ещё в первый день. В средние века на этом месте было большое болото. Вот почему здесь нет дорог – только водные пути и островки странной формы, соединённые мостами. Незнакомка передвигалась по воде, а Алекс по земле. Попытаться догнать её – всё равно, что попытаться пройти через невозможный лабиринт, в котором их пути ни разу не пересекутся.

Он уже потерял её из виду. Переулок, в который он зашёл, должен был вести прямо, но вместо этого отходил под углом, перекрытый высоким многоквартирным домом. Он забежал за угол и увидел двух пожилых итальянок в чёрных платьях, сидевших у крыльца на деревянных

¹ Вапоретто – общественный транспорт Венеции, маршрутные теплоходы. – Прим. пер.

табуретках. Перед ним тянулся канал, но он был пуст. Тяжёлые каменные ступени вели вниз, к мутной воде, но вперёд было никак не продвинуться... если, конечно, Алексу не хотелось плавать.

Он посмотрел налево и на мгновение увидел волны, поднятые мотором яхты, – на них раскачивался целый флот гондол, пришвартованных к обветшалому пирсу. Женщина по-прежнему сидела на корме и медленно пила вино из бокала. Яхта прошла под мостиком настолько невысоким, что едва его не задела.

Оставался лишь один вариант. Он развернулся и со всех ног побежал обратно. Пожилые женщины неодобрительно покачали головой. Алекс только сейчас понял, насколько же сегодня жарко. Солнце словно запуталось в сети узких улочек, и даже в тени скрыться от жары не получалось. Уже вспотевший, он выскочил обратно на улицу, с которой начал погоню. К счастью, ни мистера Грэя, ни его одноклассников рядом не было.

Куда теперь?

Все улицы, все повороты вдруг показались совершенно неотличимыми друг от друга. Положившись на своё чувство направления, Алекс решил, что повернуть нужно налево. Он пробежал мимо фруктовой лавки, свечного магазинчика и ресторана под открытым небом, где официанты уже накрывали обеденные столы. Добравшись до поворота, он увидел тот самый мостик – настолько крохотный, что он мог его пересечь буквально за пять шагов. Он остановился посередине и наклонился над перилами, разглядывая канал. В нос ударил запах застоявшейся воды. Ничего. Яхта уже уплыла.

Но Алекс знал, куда она направлялась. Ещё не поздно – если, конечно, он не остановится. Он побежал дальше. Турист-японец собирался сфотографировать жену и дочь; пробегая между ними, Алекс слышал щелчок затвора. Когда они вернутся в Токио и проявят плёнку, то на одном из кадров увидят худого, атлетичного, светловолосого мальчика с чёлкой, одетого в шорты и футболку «Супердрай», с вспотевшим лицом и целеустремлённым взглядом. Будет что вспомнить.

Толпа туристов. Уличный музыкант с гитарой. Ещё одно кафе. Официанты с серебряными подносами. Алекс бежал и бежал, не обращая внимание на протестующие крики за спиной. Воды нигде видно не было; улица, казалось, тянулась вечно. Но он понимал, что где-то впереди должен быть канал.

И Алекс его нашёл. Дорога просто исчезла, впереди текли серые воды. Он добрался до Гранд-канала, самого большого водного пути Венеции. И увидел моторную яхту с серебряным скорпионом. Она была метрах в тридцати впереди, окружённая другими судами, и с каждой секундой удалялась всё дальше.

Алекс понимал, что если упустит её сейчас, то больше никогда не найдёт. От Гранд-канала в обе стороны отходило слишком много каналов поменьше. Яхта могла свернуть к частной пристани возле какого-нибудь дворца или остановиться у одного из фешенебельных отелей. Он заметил деревянную платформу, покачивавшуюся на воде, и понял, что это остановка венецианского речного трамвайчика. Рядом стояла касса, где продавались билеты, и вокруг неё уже собралась приличная толпа. На жёлтой табличке было написано название остановки: САНТА-МАРИЯ-ДЕЛЬ-ДЖИЛЬО. От неё как раз отходил большой, заполненный людьми теплоход. Маршрут номер один. В первый день по приезду школьная группа как раз плыла на этом речном трамвае от главного вокзала; он шёл по Гранд-каналу из конца в конец. Двигался он быстро, уже отошёл на пару метров от остановки.

Алекс оглянулся. Догнать моторную яхту по лабиринту узких улочек он не сможет ни за что. Вапоретто – его единственный шанс. Но он уже отошёл слишком далеко. Алекс опоздал на этот «трамвай», а следующий придёт хорошо если минут через десять. Мимо проплыла гондола; гондольер пел что-то по-итальянски улыбающейся семье туристов. На секунду Алекс задумался, не угнать ли гондолу. Но потом ему пришла в голову идея получше.

Он крепко ухватился за весло и вырвал его из рук гондольера. Тот удивлённо вскрикнул, развернулся и потерял равновесие. Туристы испугались, увидев, как он упал в воду. Алекс тем временем проверил на прочность весло. Длинной метров пять, длинное, тяжёлое. Гондольер держал его вертикально, управляя лодкой с помощью плоского конца. Алекс разбежался и изо всех сил воткнул весло в воду Гранд-канала, надеясь, что здесь не слишком глубоко.

Ему повезло. На море как раз был отлив, а дно канала было завалено самыми разнообразными вещами – от старых стиральных машин до велосипедов и тачек. Венецианцы весело бросали всё это в воду, вообще не задумываясь о загрязнении окружающей среды. Весло упёрлось во что-то твёрдое, и Алексу удалось хорошенько оттолкнуться. Точно такую же технику он использовал на соревнованиях по прыжкам с шестом в «Брукленде». На какое-то мгновение он взлетел в воздух, отклонившись назад, и завис над Гранд-каналом. А затем отпустил весло, его бросило вперёд, и он влетел прямо в открытую дверь речного трамвайчика, приземлившись на палубу. Остальные пассажиры изумлённо таращились на него. Но, так или иначе, он успел.

В венецианских маршрутных теплоходах очень редко ходили кондукторы – именно поэтому никто не начал задавать Алексу неудобных вопросов: например, зачем ему понадобился настолько оригинальный способ попадания в трамвайчик и собирается ли он платить за проезд. Он наклонился над бортом и с удовольствием подставил лицо ветерку. А моторная яхта так и не исчезла из виду. Она по-прежнему держалась впереди – вышла из главной лагуны и вернулась обратно в центр города. Над каналом протянулся узкий деревянный мост, и Алекс сразу же узнал Мост Академии, который ведёт в крупнейшую картинную галерею города. Он провёл там целое утро, разглядывая произведения Тинторетто, Лоренцо Лотто и множества других художников, фамилии которых оканчивались исключительно на «о». На мгновение он задумался, что же вообще натворил. Он сбежал с экскурсии. Мистер Грэй и мисс Бедфордшир, скорее всего, уже позвонили в гостиницу – и хорошо, если не в полицию. И с чего его вообще сюда понесло? Увидел серебряного скорпиона на чьей-то яхте? Должно быть, он всё-таки сходит с ума.

Вапоретто замедлил ход, приближаясь к следующей остановке. Алекс напрягся. Он понимал, что если дожидаться, пока одна толпа пассажиров сойдёт с теплохода, а другая на него поднимется, моторную яхту он уже никогда не увидит. Теплоход свернул к другому берегу канала. Здесь было уже не таклюдно. Алекс перевёл дыхание. Интересно, сколько он ещё сможет бежать?

А потом он с облегчением увидел, как моторная яхта пристаёт к берегу. Она остановилась возле дворца чуть дальше вверх по течению, за частоколом из деревянных шестов, косо торчавших из воды, словно копья, заброшенные туда случайно. Из дворца вышли двое слуг в ливреях. Один из них пришвартовал яхту, другой протянул руку в белой перчатке. Женщина взялась за его руку и спустилась на берег. Она была одета в обтягивающее кремовое платье и короткий пиджак. На руке висела сумочка. Больше всего она напоминала модель, сошедшую с обложки глянцевого журнала. Не задерживаясь ни на секунду, она поднялась по ступенькам и исчезла за каменной колонной, оставив слуг разбираться с её багажом.

Речной трамвайчик уже собирался отходить от берега. Алекс поспешно выбрался на остановку. Ему пришлось снова искать дорогу среди зданий, теснившихся вдоль Гранд-канала, но на этот раз он точно знал, что искать. И через несколько минут Алекс нашёл нужное место.

То был типичный венецианский дворец из белого и розового камня, с узкими окнами, встроенными в фантастический узор из колонн, арок и балюстрад; в таком дворце вполне могло разворачиваться действие «Ромео и Джульетты». Но самое большое впечатление производило положение дворца. Он не просто стоял фасадом к Гранд-каналу: он словно погружался в него, волны бились прямо о каменную кладку. Женщина с яхты прошла через подъёмную решётку, похожую на те, что ставили в рыцарских замках. Только вот этот замок был плавучим. Или тонущим. Сказать, где заканчивается дворец и начинается канал, было очень трудно.

С одной стороны, по крайней мере, ко дворцу всё-таки можно было пройти и по земле. Он примыкал к широкой площади с деревьями и кустами, высаженными в узорчатых горшках. Повсюду сновали слуги – вешали верёвочные барьеры, расставляли масляные факелы, разворачивали красную ковровую дорожку. Плотники строили что-то похожее на маленькую сцену. Многочисленные грузчики тащили во дворец ящики и коробки. Алекс увидел бутылки шампанского, фейерверки, разнообразную еду. Здесь явно готовились к очень серьёзной вечеринке.

Алекс остановил одного из рабочих.

– Простите, – сказал он. – Вы знаете, кто здесь живёт?

Рабочий не говорил по-английски и даже не пытался проявить дружелюбие. Алекс задал тот же вопрос другому рабочему – с тем же самым результатом. Он уже встречал подобных им людей раньше: охранники академии «Пойнт-Блан», техники «Крэй Софтвер Текнолоджис». Эти люди опасались своих работодателей. Им платили за выполненную работу, и они не делали ничего, что не предусмотрено инструкцией. Было ли им что скрывать? Может быть.

Алекс ушёл с площади и обошёл дворец сбоку. Во всю длину другой стены тянулся канал, и на этот раз ему повезло. Он увидел пожилую женщину в чёрном платье и белом фартуке, подметавшую дорожку на берегу, и подошёл к ней.

– Вы говорите по-английски? – спросил он. – Вы сможете мне помочь?

– *Си, кон пъячере, мио пикколо амико*², – кивнула женщина и отложила метлу. – Я много лет жила в Лондон. Я говорю английски хорошо. Кто мне сделать?

Алекс показал на здание.

– Что это за место?

– Это Ка-Ведова, – попыталась объяснить она. – *Ка...* ну... в Венеции говорят «*каса*». Это значит «дворец». А «*ведова*»?

Она замолчала, попыталась подобрать нужное слово.

– Это Дворец Вдовы. Ка-Ведова.

– А что тут происходит?

– Большой праздник сегодня. День рождения. Маски, костюмы. Много важные люди.

– Чей день рождения?

Она ответила не сразу. Алекс задавал слишком много вопросов, и это, похоже, казалось ей подозрительным. Но возраст опять-таки сослужил ему хорошую службу. Ему всего четырнадцать лет. Просто любопытный мальчик, чего такого?

– Синьоры Ротман. Очень богатая леди.

– Ротман? Как сигареты?

Но старушка уже закрыла рот, а в глазах мелькнул страх. Алекс оглянулся и увидел, что за ним смотрит один из охранников с площади. Похоже, ему уже здесь не рады – хотя что там «уже», ему и изначально никто не радовался.

Он решил всё-таки задать последний вопрос.

– Я ищу Скорпию, – сказал он.

Пожилая женщина уставилась на него так, словно он отвесил ей пощёчину. Она подняла метлу и нервно взглянула на охранника, наблюдавшего за ними. Хорошо, что он не слышал их разговора. Он почувствовал, что что-то здесь не так, но с места не двинулся. Тем не менее, Алекс понял, что пора уходить.

– Неважно, – сказал он. – Спасибо вам за помощь.

Он быстро прошёл вдоль канала. Перед ним вырос ещё один мост, и Алекс перешёл его. Он не понимал, почему, но радовался, что Дворец Вдовы остался за спиной.

² Да, с удовольствием, мой маленький дружок (*итал.*) – Прим. пер.

Едва дворец исчез из виду, Алекс остановился и задумался над тем, что удалось узнать. Яхта с серебряным скорпионом привела его ко дворцу, которым владела красивая, богатая и не улыбкающая женщина. Дворец охраняют сурового вида ребята, а как только он упомянул название «Скорпия» в разговоре с уборщицей, та посмотрела на него как на прокажённого.

Данных немного, но вполне достаточно. Сегодня будет бал-маскарад в честь дня рождения. На него пригласили важных людей. Алекса среди приглашённых не было, но он уже принял решение.

Он придёт на этот бал.

Незримый меч

Женщину, которая вошла в *палаццо*, звали Джулия Шарлотта Гленис Ротман. То был её дом – по крайней мере, один из домов. Ещё у неё была квартира в Нью-Йорке, дом с гаражом в Лондоне и вилла с видом на Карибское море и белые пески Тёртл-Бея на острове Тобаго.

Она прошла по тускло освещённому коридору, который тянулся по всей длине здания, от пристани с одной стороны до приватного лифта с другой; её высокие каблуки громко щёлкали по терракотовым плиткам. В коридоре не было ни одного слуги. Её рука в шёлковой перчатке коснулась серебристой кнопки вызова лифта, и дверь открылась. Лифт был маленьким, в него мог поместиться только один человек. Но она и жила одна. Слуги ходили по лестницам.

Лифт поднялся на третий этаж, и она вышла в современно обставленный конференц-зал. Там не было ни ковра, ни картин на стенах, ни каких-либо других украшений. И, что ещё страннее, в комнате, из которой открывался бы один из самых красивых видов на нашей планете, не было ни единого окна. Но, с другой стороны, если из комнаты нельзя выглянуть, нельзя в неё и заглянуть. Так безопаснее. Зал освещали галогеновые лампы на стенах, а из мебели в комнате был только длинный стеклянный стол, окружённый кожаными креслами. Напротив лифта виднелась дверь, но она была заперта. С другой её стороны стояли два охранника, вооружённые и готовые убить любого, кто в следующие полчаса хотя бы близко подойдёт к этой двери.

За столом её уже ждали восемь человек. Одному было уже за семьдесят – лысый, хрипло дышащий, с воспалёнными глазами, он был одет в мятый серый костюм. Рядом с ним сидел китаец, а напротив – светловолосый австралиец в рубашке с открытой шеей. Люди, собравшиеся в зале, явно приехали со всех концов света, но была у них одна общая черта: неподвижность и холодность, из-за которой в комнате было примерно так же весело, как в морге. Никто из них не поздоровался с миссис Ротман, когда та села на своё место во главе стола. На часы тоже никто не смотрел. Если она пришла, это значило, что сейчас ровно час дня. Именно в это время должна была начаться встреча.

– Добрый день, – сказала миссис Ротман.

Несколько человек кивнули, но никто не ответил. Приветствия – лишь пустая трата слов.

Девять человек, собравшихся за столом на третьем этаже Дворца Вдовы, составляли совет директоров одной из самых безжалостных и успешных преступных организаций мира. Старика звали Макс Грендель, китайца – доктор Сан. У австралийца вообще не было никакого имени. Они собрались в этом зале без окон, чтобы обсудить последние детали операции, которая всего через несколько недель сделает их богаче на миллиард фунтов.

Организация называла себя «Скорпия».

Они все понимали, что название очень причудливо, и тот, кто его придумал, скорее всего, перечитал книг о Джеймсе Бонде. Но организации нужно было название, а это слово было составлено из четырёх основных направлений её деятельности.

Саботаж. Коррупция. Разведка. Политические убийства.

Скорпия. Это название оказалось весьма звучным на многих языках и легко слетало с губ любого, кто решался обратиться к ним. Скорпия. Семь букв, записанные в базах данных полиции и служб безопасности всего мира.

Организация образовалась в начале восьмидесятых, во время так называемой холодной войны – тайной войны, которую много десятилетий вели между собой Советский Союз, Китай, Америка и Европа. Все мировые правительства содержали свою армию шпионов и наёмных убийц, готовых убить или умереть за свою страну. Но вот сменить род деятельности они явно были не готовы; двенадцать из них поняли, что холодная война довольно скоро закончится, и они останутся без работы. Больше не будут нужны. Настало время самостоятельной работы.

Они собрались одним воскресным утром в Париже. Первая встреча прошла в «Мэсон-Бертийон», знаменитом кафе-мороженом на острове Сен-Луи, неподалёку от собора Парижской Богоматери. Они все знали друг друга и до этого не раз пытались друг друга убить. Но теперь, в красивой, обшитой деревянными панелями комнате с антикварными зеркалами и кружевными занавесками, наслаждаясь блюдами знаменитого бертийоновского мороженого из дикой клубники, они обсуждали, как теперь будут работать вместе, чтобы разбогатеть. Именно на этом собрании родилась Скорпия.

И организация процветала. Она держала под колпаком весь мир. Свергла правительства двух стран, организовала несправедливое избрание президента в третьей. Уничтожила десятки компаний, подкупала политиков и госслужащих, организовала несколько крупных экологических катастроф... и устраняла всех, кто решался встать у неё на пути. Сейчас она несла ответственность за десятую часть всех совершаемых в мире террористических актов – и получала за это хорошие деньги. Руководители Скорпии любили сравнивать себя с «Майкрософт», только в преступном мире, – только вот по сравнению с Скорпией «Майкрософт» на самом деле были мелкими сошками.

Из двенадцати основателей осталось только девять. Один умер от рака, двоих убили. Но за двадцать лет жестоких преступлений это даже неплохо. У Скорпии никогда не было единственного лидера. Все девять председателей были равными партнёрами, но на каждый новый проект назначался один конкретный руководитель – в алфавитном порядке.

Сегодня они обсуждали проект под кодовым названием «Незримый меч». Им управляла Джулия Ротман.

– Рада сообщить совету директоров, что всё идёт точно по графику, – объявила она.

В её голосе слышался лёгкий валлийский акцент. Она родилась в Аберистуите. Её родители, валлийские националисты, сжигали дома английских отпускников, купленные в качестве дач. К сожалению, один из этих домов они подожгли, когда владелец-англичанин с семьёй был ещё внутри, и в шесть лет Джулию отправили в детский дом, а родителям дали пожизненные сроки. В каком-то смысле именно в этот день началась её преступная карьера.

– Прошло уже три месяца, – продолжила она, – с тех пор, как к нам обратился клиент, джентльмен с Ближнего Востока. Сказать, что он богат, – значит, ничего не сказать. Он мультимиллиардер. Он посмотрел на мир, на баланс его сил, и решил, что что-то пошло очень неправильно. Он попросил нас всё исправить.

Проще говоря, наш клиент считает, что Запад стал слишком сильным. Если конкретно – Великобритания и Америка. Именно благодаря их дружбе удалось победить во Второй мировой войне. И именно благодаря их дружбе Запад сейчас может вторгаться в любую страну, в которую заблагорассудится, и забирать там всё, что угодно. Наш клиент попросил нас раз и навсегда разрушить британско-американский союз.

Что я могу сказать о нашем клиенте? – Миссис Ротман мило улыбнулась. – Может быть, он визионер, который искренне заинтересован в мире во всём мире, а может быть, он совершенно сумасшедший. Так или иначе, для нас нет никакой разницы. Он предложил нам огромную сумму – миллиард фунтов, – чтобы мы сделали то, что он хочет. Унизить Великобританию и Америку, чтобы они больше не работали вместе как единая мировая держава. И я с радостью вам сообщаю, что двадцать миллионов фунтов, первый транш, вчера поступили на наш счёт в швейцарском банке. Теперь мы готовы перейти ко второй стадии.

В комнате повисло молчание. Остальные ждали продолжения речи миссис Ротман; слышался только тихий шум кондиционера, снаружи не доносилось ни звука.

– Вторая и последняя стадия начнётся менее чем через три недели. Обещаю вам: вскоре британцы и американцы вцепятся друг другу в глотки. Более того, уже к концу этого месяца обе страны будут повергнуты на колени. Америку будут ненавидеть во всём мире, а британцы ста-

нут свидетелями такого ужаса, какой и представить себе не могли. Мы станем намного богаче. Ну а наш друг с Ближнего Востока будет очень доволен вложением средств.

– Простите, миссис Ротман. У меня вопрос...

Доктор Сан учтиво склонил голову. Его лицо казалось сделанным из воска, а его чёрные как смоль волосы выглядели лет на двадцать моложе всего остального тела. Должно быть, он их красил. Он был очень маленького роста и напоминал вышедшего на пенсию учителя. Впрочем, кого бы он ни напоминал, на деле он был экспертом по пыткам и боли мирового уровня. Он даже написал об этом несколько книг.

– Сколько людей вы собираетесь убить? – спросил он.

Джулия Ротман задумалась.

– Точно подсчитать довольно сложно, доктор Сан, – ответила она. – Но по самой меньшей мере – тысячи. Много тысяч.

– И все эти тысячи будут детьми?

– Да. По большей части – двенадцати-тринадцати лет.

Она вздохнула.

– Не стоит и говорить, что это очень, очень прискорбно. Я обожаю детей, пусть и рада, что у меня самой их никогда не было. Но таков план. И должна сказать, что психологический эффект от гибели такого количества молодых людей может принести немалую пользу. Вас это беспокоит?

– Ни в коем случае, миссис Ротман, – покачал головой доктор Сан.

– У кого-нибудь есть возражения?

Никто не сказал ни слова, но уголком глаза миссис Ротман заметила, как нервно заёрзал в кресле Макс Грендель. Ему было семьдесят три года – самый старый из всех собравшихся, с обвисшей кожей и пигментными пятнами на лбу. Он страдал от болезни глаз, из-за которой они постоянно слезились. Сейчас он промокал глаза платком. Трудно было поверить, что когда-то он был командиром немецкой тайной полиции и однажды лично задушил иностранного шпиона в концертном зале во время исполнения Пятой симфонии Бетховена.

– Подготовка в Лондоне завершена? – спросил австралиец.

– Строительство в церкви закончилось неделю назад. Платформу, баллоны с газом и все остальные механизмы привезут сегодня к вечеру.

– Сработает ли «Незримый меч»?

Леви Кролл, как и обычно, говорил прямо и по делу. Он пришёл в Скорпию из Моссада, израильской секретной службы, и до сих пор считал себя солдатом. Двадцать лет он засыпал с 9-миллиметровым пистолетом «ФН» под подушкой. А потом он однажды выстрелил. Леви был здоровяком, большую часть его лица закрывала борода – вместе со следами увечий. Пустая левая глазница пряталась за повязкой.

– Конечно, сработает, – резко ответила миссис Ротман.

– Его тестировали?

– Мы тестируем его прямо сейчас. Но хочу вам сказать, что доктор Либерман – настоящий гений. Проводить с ним время невероятно скучно – уж я-то знаю, я с ним общалась больше, чем мне хотелось бы. Но он создал совершенно новое оружие, и, в чем самая его прелесть, никто из мировых экспертов даже не представляет, что это такое и как оно работает. Конечно, в конце концов они разберутся, на этот случай у меня тоже есть планы. Но к тому времени будет уже поздно. Улицы Лондона будут усеяны трупами. Это будет худшая трагедия из всех, что произошла с детьми со времён Гаммельнского крысолова.

– А что будет с Либерманом? – спросил доктор Сан.

– Пока не решила. Скорее всего, его тоже придётся убить. Он изобрёл «Незримый меч», но даже не представляет, как мы планируем его использовать. Полагаю, он будет возражать. Так что от него тоже придётся избавиться.

Миссис Ротман оглядела комнату.

– Есть ещё вопросы? – спросила она.

– Да.

Макс Грендель положил руки на стол, широко разведя их в стороны. Миссис Ротман не удивилась, что именно он попросил слова. У него были дети и внуки. Хуже того, к старости он стал сентиментальным.

– Я состою в «Скорпии» с самого начала, – сказал он. – До сих пор помню наше первое собрание в Париже. Я заработал миллионы, работая с вами, и мне очень нравилось всё, что мы делали. Но этот проект... «Незримый меч». Мы действительно убьём столько детей? Как нам потом с этим жить?

– Хорошо жить. Куда богаче, чем раньше, – пробормотала Джулия Ротман.

– Нет-нет, Джулия, – покачал головой Грендель. Из его больного глаза стекла слезинка. – Вас это не должно удивить. Мы уже обсуждали это на нашей прошлой встрече. Но я решил, что с меня хватит. Я уже стар. Хочу уйти на пенсию и спокойно дожить свой век в моём замке в Вене. «Незримый меч», бесспорно, будет вашим величайшим достижением. Но у меня к этому уже сердце не лежит. Пора мне уйти на покой. Продолжайте дальше без меня.

– Вы не можете уйти! – запротестовал Леви Кролл.

– Почему вы не сказали нам об этом раньше? – сердито спросил ещё один из сидящих за столом. Он был чернокожим, но с японским разрезом глаз. В один из его зубов был вделан алмаз размером с горошину.

– Я сказал миссис Ротман, – разумно ответил Макс Грендель. – Она возглавляет проект. Я решил, что весь совет директоров уведомлять нет нужды.

– Нам не нужно из-за этого спорить, мистер Микато, – спокойно ответила Джулия Ротман. – Макс уже давно говорит об уходе на покой, и, как мне кажется, мы должны уважать его желание. Это, безусловно, прискорбно. Но, как говаривал мой покойный муж, всё хорошее когда-нибудь заканчивается.

Муж миссис Ротман, мультимиллионер, погиб, выпав с семнадцатого этажа всего через два дня после свадьбы.

– Это очень печально, Макс, – продолжила она. – Но я уверена, что вы поступаете правильно. Пора вам уйти.

* * *

Она прошла вместе с ним к пристани. Моторная яхта уже ушла, но его поджидала гондола. Они шли медленно, держась за руки.

– Мне будет вас не хватать, – сказала она.

– Спасибо, Джулия. – Макс Грендель потрепал её по руке. – Я тоже буду скучать.

– Не знаю, как мы справимся без вас.

– «Незримый меч» не может потерпеть неудачу – ведь проект возглавляете вы.

Она вдруг остановилась.

– Чуть не забыла, – воскликнула она. – У меня для вас кое-что есть.

Она щёлкнула пальцами, и подбежал слуга, держа в руках большую коробку, завёрнутую в розовую и голубую бумагу и перевязанную серебряным бантом.

– Это подарок, – сказала она.

– В честь выхода на пенсию?

– На добрую память о нас.

Макс Грендель остановился возле гондолы. Она слегка покачивалась на волнах. Гондольер, одетый в традиционную полосатую рубашку, стоял на корме, опираясь на весло.

– Спасибо, дорогая, – сказал он. – И удачи вам.

– Наслаждайтесь жизнью, Макс. Будем поддерживать связь.

Она поцеловала его, слегка коснувшись губами морщинистой щеки, а потом помогла забраться в гондолу. Он неуклюже сел, положив ярко раскрашенную коробку на колени. Гондольер тут же оттолкнулся веслом от дна. Миссис Ротман подняла руку. Маленькая лодочка быстро рассекала серую воду.

Миссис Ротман отвернулась и ушла обратно во Дворец Вдовы.

Макс Грендель печально проводил её взглядом. Он знал, что без Скорпии его жизнь будет совсем другой. Он отдавал организации все силы вот уже два десятилетия. Она поддерживала в нём жизнь и молодость. Но сейчас он не мог не думать о внуках. Он вспомнил маленьких близнецов, Ганса и Руди. Им было по двенадцать лет. Столько же, сколько целям, намеченным Скорпией в Лондоне. Он не мог принимать в этом участия. Решение уйти было верным.

Он чуть не забыл о коробке, лежавшей на коленях. Как похоже на Джулию. Она всегда была самой эмоциональной из всех – может быть, из-за того, что она единственная женщина в совете директоров. Интересно, что она ему купила? Коробка была тяжёлой. По какому-то наитию он развязал ленточку, потом разорвал бумагу.

Кожаный чемоданчик-дипломат, явно дорогой. Сразу понятно по качеству кожи, ручной прошивке... и логотипу. Дипломат был сделан Гуччи. Его инициалы, MUG, были выгравированы на золотой пластинке под ручкой. Макс Грендель с улыбкой открыл чемоданчик.

И в ужасе закричал, когда на него посыпалось содержимое.

Скорпионы. Несколько десятков. Длиной сантиметров десять, тёмно-коричневые, с маленькими жвалами и толстыми, пухлыми телами. Когда они полезли вверх по его рубашке, он ещё успел понять, что это за вид: пушистохвостые скорпионы из рода *Parabuthus*, одни из самых ядовитых в мире.

Макс Грендель с громким воплем упал на спину, вытаращив глаза, и беспомощно замахал руками и ногами, пытаясь стряхнуть отвратительных существ, которые успели уже забраться ему под рубашку и брюки. Первый скорпион ужалил его в шею. А затем они жалили его снова и снова, а он беспомощно вздрагивал, уже не в силах даже вскрикнуть.

Его сердце отказало задолго до того, как подействовали нейротоксины. Гондола медленно плыла вперёд, направляясь к венецианскому островному кладбищу; внимательные туристы могли даже заметить старика, который лежал неподвижно, раскинув руки и смотря невидящими глазами в яркое венецианское небо.

Только по приглашению

В тот вечер Дворец Вдовы перенёлся на триста лет назад.

Выглядело всё просто потрясающе. Масляные факелы зажгли, и по площади плясали тени. Слуги переоделись в костюмы восемнадцатого века – парики, обтягивающие трико, остроконечные туфли, камзолы. Под ночным небом играл струнный квартет – на той самой сцене, строительство которой Алекс видел днём. На небе высыпали тысячи звёзд и даже виднелась полная луна – словно организатор празднества умел ещё и управлять погодой.

Гости прибывали по воде и пешком. Они тоже были в костюмах – богато украшенных шляпах и ярких бархатных плащах, стелившихся по земле. Кто-то шёл с тростями чёрного дерева, у других на поясах висели шпаги и кинжалы. Но вот лица тех, кто направлялся к парадному входу, были скрыты – под белыми и золотыми масками, масками, инкрустированными драгоценностями и окружёнными плюмажами из перьев. Кто именно был приглашён на вечеринку миссис Ротман, узнать было невозможно – но внутрь войти мог далеко не каждый. Вход со стороны Гранд-канала был перекрыт, всех направляли к главному входу, который Алекс увидел днём. Четыре охранника, одетые в ярко-красные туники венецианских придворных, проверяли приглашения.

Алекс смотрел на всё это действо с другой стороны площади. Он прятался вместе с Томом за одним из миниатюрных деревьев, там, куда не доставал свет факелов. Уговорить Тома прийти с ним было нелегко. Исчезновение Алекса перед обедом заметили почти сразу, и Тому пришлось придумывать для разозлённого мистера Грея совершенно неубедительную историю о том, что у Алекса внезапно заболел живот. Если бы не мисс Бедфордшир, всё ещё благодарная Алексу за то, что он вернул ей сумочку, у него были бы большие проблемы, и его наверняка никуда бы не отпустили вечером. С другой стороны, это же Алекс – все знают, что он ведёт себя как-то странно.

Но вот опять исчезнуть! В последний день экскурсии ребятам дали два часа свободного времени, ожидая, что они проведут их в Сан-Лоренцо – в кафе или на площади. Но у Алекса были другие планы. Прежде чем вернуться днём в гостиницу, он успел найти в Венеции всё, что необходимо. Но он знал, что один не справится. Ему нужен был Том.

– Алекс, я не верю, что ты такое затеял, – шепнул Том. – Почему вообще для тебя так важна эта вечеринка?

– Не могу объяснить.

– Почему? Иногда я тебя не понимаю. Мы вроде как друзья, но ты мне вообще ничего не говоришь.

Алекс вздохнул. Он уже к этому привык. Вспоминая всё, что произошло с ним за последние полгода – как его затащили в мир шпионажа, в паутину тайн и лжи, – он понимал, что хуже нет просто ничего. МИ-6 сделало из него шпиона. И в то же время лишило его возможности быть тем, кем ему больше всего хотелось, – самым обычным школьником. Он жонглировал двумя жизнями, пытаясь не уронить ни одну из них: сегодня он спасает мир от ядерного истребления, а завтра – не успевает сдать домашнее задание по химии. Две жизни – и он застрял посередине между ними. Он уже не знал, где теперь ему место. У него были Том, Джек Старбрайт и Сабина Плэжер – хотя Сабина и переехала в Америку. Кроме них, у него не было настоящих друзей. Он не хотел этого, но всё равно остался один.

Он принял решение.

– Хорошо, – сказал он. – Если ты мне поможешь, я расскажу тебе всё. Но не прямо сейчас.

– Когда?

– Завтра.

– Завтра я уезжаю в Неаполь к брату.

– До того, как ты уедешь.

Том задумался.

– Ладно, я всё равно тебе помогу, Алекс, – сказал он. – Потому что для этого друзья и нужны. А если ты действительно хочешь мне всё рассказать, то я подожду, пока мы вернёмся в школу. Хорошо?

Алекс кивнул и улыбнулся.

– Спасибо.

Он открыл спортивную сумку, которую прихватил с собой из гостиницы. В ней лежали вещи, которые он купил днём. Алекс быстро скинул шорты и майку и натянул шёлковые шаровары и бархатный камзол, который оставлял руки и грудь голыми. Затем он достал баночку чего-то похожего на желе, но золотого цвета. Краска для бодиарта. Он вылил немного себе на ладони, растёр и намазал краской руки, шею и лицо, потом подал сигнал Тому. Тот скорчил гримасу, но всё же докрасил ему плечи. Теперь вся его видимая кожа была золотистой.

Наконец, Алекс достал золотые сандалии, белый тюрбан с лиловым пером и простую полумаску, прикрывавшую глаза. Днём он попросил продавца в магазине костюмов принести всё необходимое, чтобы перевоплотиться в раба-турчонка. Он надеялся, что выглядит всё-таки не настолько по-дурачки, как сейчас себя чувствует.

– Готов? – спросил он.

Том кивнул, вытирая руки о штаны.

– Знаешь, выглядишь ты как-то фигово, – сказал он.

– Мне всё равно. Главное, чтобы сработало.

– По-моему, ты вообще чокнутый.

Алекс смотрел на прибывающих во дворец гостей. Если он хочет, чтобы план сработал, нужно выбрать правильный момент. А ещё – дожидаться правильных гостей. Гости всё прибывали и прибывали и толпились у главного входа, ожидая, пока охранники проверят их приглашения. Алекс глянул на канал. У пристани остановилось водное такси, и оттуда вышла пара – мужчина во фраке и женщина в чёрном плаще, стелившемся за ней. Оба были в масках. Идеальный вариант.

Он кивнул Тому.

– Давай.

– Удачи, Алекс.

Том вытащил что-то из спортивной сумки и выбежал на площадь, даже не пытаясь скрываться. Через несколько секунд Алекс, держась в тени, свернул за угол площади.

У входа возник небольшой затор. Охранник держал в руках приглашение и расспрашивал одного из гостей. Так, тоже пригодится. Чем больше суматохи, тем лучше. Должно быть, Том понял, что момент как раз подходящий, потому что вдруг послышался громкий, похожий на выстрел звук, и все глаза повернулись к мальчишке, который скакал по площади, смеясь и крича. Он только что взорвал хлопушку и у всех на глазах поджёг ещё одну.

– *Комэ стаи?* – закричал он. *«Как у вас дела?»*

– *Кванто темпо чи вуоле пэр андрарэ а Рома?*

«Сколько времени нужно, чтобы добраться до Рима?» Алекс нашёл две эти фразы в разговорнике. Больше ничего по-итальянски Том выучить не смог.

Том бросил вторую хлопушку, и послышался ещё один громкий «выстрел». Алекс в это время бросился к каналу – два гостя как раз поднялись по ступенькам к площади. Его сандалии громко стучали по мостовой, но его никто не замечал. Все тарасились на Тома, который во всё горло запел «Ты никогда не будешь один»³. Алекс пригнулся и взялся за шлейф чёрного плаща женщины-гостьи. Она шла к главному входу, он – за ней, не давая ткани опуститься на землю.

³ «Ты никогда не будешь один» (*You'll Never Walk Alone*) – песня из мюзикла «Карусель», гимн болельщиков «Ливерпуля»

Всё прошло именно так, как он надеялся. Толпа быстро устала от сумасшедшего английского мальчика, который строил из себя дурачка. Одного из охранников послали с ним разобратся. Уголкем глаза Алекс увидел, как Том развернулся и побежал прочь. Пара гостей тем временем дошла до двери, и мужчина во фраке протянул другому охраннику приглашение. Тот посмотрел на новоприбывших и пропустил их внутрь. Он решил, что Алекс пришёл вместе с гостями – они для пущей маскировки взяли с собой мальчика-турчонка. А сами гости подумали, что Алекс работает во дворце, и его прислали специально, чтобы сопроводить их внутрь. Зачем ему ещё приходить, правильно?

Они втроём прошли через дверь, в огромный зал для приёмов с куполообразной, выложенной мозаичными картинами крышей, белыми колоннами и мраморным полом. Стеклопанные двери высотой в два человеческих роста вели во внутренний дворик с фонтаном, окружённым декоративными кустами и цветами. Там уже собралось не меньше сотни гостей – они оживлённо разговаривали, смеялись, пили шампанское из хрустальных бокалов. Они явно рады были здесь находиться. Слуги, одетые так же, как и те, что остались снаружи, разносили серебряные подносы с едой. Клавесинист играл Моцарта и Вивальди. Для полного погружения в атмосферу того времени электрическое освещение выключили, но на стенах висели факелы и десятки масляных ламп; их пламя покачивалось и плясало на вечернем ветру.

Алекс проследовал за своими «хозяевами» во внутренний дворик, но затем отпустил шлейф и отошёл к стене. Трёхэтажный дворец возвышался над ним; два крыла соединялись спиральной лестницей, похожей на то, что он видел в Палаццо Контарини дель Боволо. Второй этаж опоясывала галерея, где колонн и арок было даже ещё больше, чем в зале, и некоторые гости поднялись туда и неспешно прогуливаясь, разглядывая толпу внизу. Алекс ещё раз огляделся и не поверил, что живёт в двадцать первом веке. В стенах дворца удалось создать совершенно идеальную иллюзию.

Но, оказавшись внутри, он не знал, что делать. Он действительно нашёл Скорпию или нет? Ему пришло в голову, что если Ясен Григорович говорит правду, и отец когда-то работал на этих людей, они, возможно, будут рады его видеть. Он спросит их, что произошло, как погиб его отец, и они все расскажут. Ему не нужно будет прятаться и переодеваться.

Но что, если он неправ? Он вспомнил, с каким страхом посмотрела на него пожилая уборщица, когда он упомянул Скорпию. И про охранников с суровыми лицами, дежуривших вокруг дворца, забывать не стоит. Они не знали английского, и Алекс сомневался, что сумеет объяснить, что здесь делает, если его поймут. К тому времени, как кто-нибудь найдёт англо-итальянский словарь, его уже утопят в канале.

Нет. Прежде чем что-то делать, нужно узнать больше. Кто эта женщина – миссис Ротман? Что она здесь делает? Алексу казалось невероятным, что бал-маскарад в венецианском дворце может быть хоть как-то связан с убийством, произошедшим четырнадцать лет назад.

Клавесин по-прежнему звенел. Разговоры становились всё громче – гости прибывали и прибывали. Большинство из них сняли маски – иначе просто не смогли бы есть и пить, – и Алекс увидел, что компания собралась со всего света. Гости в основном говорили по-итальянски, но были среди них и чернокожие, и азиаты. Он увидел невысокого китайца, который о чём-то оживлённо беседовал с человеком, у которого в передний зуб вделан алмаз. Перед ним прошла женщина, показавшаяся смутно знакомой, и, вздрогнув, он понял, что это одна из самых знаменитых в мире актрис. Оглядевшись, Алекс увидел, что здесь полно голливудских звёзд. Зачем их пригласили? А потом он вспомнил: сейчас начало сентября, как раз должен начаться Венецианский кинофестиваль. Что ж, теперь он знал о миссис Ротман чуть больше: она достаточно влиятельна, чтобы собрать настолько знаменитых гостей.

Алекс понимал, что долго задерживаться здесь не стоит. Он наверняка единственный подросток во дворце, и его обязательно заметят – это лишь вопрос времени. Он просто до ужаса заметен. Руки и плечи голые, шёлковые шаровары настолько тонкие, что он едва чувствует их на себе. Костюм турчонка, может быть, и помог ему пробраться внутрь, но теперь, когда он уже внутри, костюм только мешал. Он решил, что пора действовать. На первом этаже миссис Ротман нигде видно не было, а именно с ней ему больше всего хотелось встретиться. Может быть, она будет на одном из верхних этажей?

Он прошёл сквозь толпу гостей и поднялся по спиральной лестнице. Добравшись до галереи, он увидел ряд дверей, которые вели в сам дворец. Там было уже не таклюдно, и несколько гостей с любопытством покосились на него. Алекс знал, что важнее всего сейчас – не колебаться. Если хоть кто-то начнёт задавать ему вопросы, его быстро отсюда вышвырнут. Он прошёл в какую-то дверь и оказался в помещении, которое казалось чем-то средним между очень широким коридором и комнатой. Зеркало в золотой раме висело на стене над резным антикварным столиком, на котором стояла большая ваза цветов. Напротив располагался огромный гардероб. Больше в комнате ничего не было.

В дальнем конце комнаты виднелась ещё одна дверь, и Алекс уже собирался пойти туда, но тут услышал приглушённые голоса. Он огляделся, ища, где можно спрятаться, но увидел только гардероб. Лезть внутрь уже времени не было, так что он прижался к стене рядом с ним. Как и внутренний дворик, этот этаж освещали только масляные лампы. Он надеялся, что громоздкий гардероб отбрасывает достаточно большую тень, чтобы не выдать его.

Дверь открылась, и из неё вышли мужчина и женщина. Они говорили по-английски.

– Мы получили сертификаты выпуска, и первая партия отправится в путь послезавтра, – сказал мужской голос. – Как я уже объяснял вам, миссис Ротман, выбор времени очень важен.

– Холодовая цепь.

– Именно. Холодовую цепь нельзя разрывать. Контейнеры полетят в Англию. А потом...

– Спасибо, доктор Либерман. Вы отлично поработали.

Они остановились. Из своего укрытия Алекс их не видел, но, наклонившись вперёд, сумел разглядеть их отражения в зеркале.

Миссис Ротман была потрясающей – другого слова Алекс подобрать не смог. Она выглядела больше похожей на кинозвезду, чем все актрисы, собравшиеся внизу; её длинные чёрные волосы волнами спускались на плечи. У неё была маска, но она держала её в руке, на конце деревянной палочки, так что Алекс видел её лицо: блестящие чёрные глаза, кроваво-красные губы, идеальные зубы. На ней было потрясающее платье из кружев цвета слоновой кости, и Алекс почему-то понял, что это не просто костюм, а настоящий антиквариат. Шею обрамляло золотое ожерелье с тёмно-синими сапфирами.

Её спутник тоже был одет весьма нарядно – длинный плащ, отороченный мехом, широкополая шляпа, кожаные перчатки. Он держал в руках маску, но она была уродливой – с маленькими глазками и длинным клювом. То был костюм чумного доктора; Алексу подумалось, что этот человек похож на него даже без костюма. Бледное, безжизненное лицо, пузырьки слюны на губах. Он был очень высоким, возвышаясь над миссис Ротман, но почему-то казалось, что это он по сравнению с ней карлик. Зачем его сюда пригласили?

– Вы же обещаете мне, что никто не пострадает? – спросил доктор Либерман, снимая тяжёлые очки и нервным жестом протирая их.

– А какая вам разница? – ответила она. – Вам заплатят пять миллионов евро. Целое состояние. Подумайте об этом, доктор Либерман. Вы обеспечите себя до конца жизни.

Алекс рискнул снова высунуться из-за шкафа и увидел, что миссис Ротман повернулась боком к своему собеседнику, ожидая, что он скажет. Доктор Либерман замер. Жадность и страх тянули его в разные стороны.

– Не знаю, – прохрипел он. – Может быть, если вы заплатите мне ещё больше...

– Тогда, может быть, мы именно об этом и подумаем! – совершенно спокойно ответила миссис Ротман. – Но давайте не будем портить праздник разговорами о делах. Через два дня я сама приеду в Амальфи. Лично отправлю в путь первую партию, там и поговорим о деньгах.

Она улыбнулась.

– А сейчас пойдёте выпьем шампанского, и я познакомлю вас со своими знаменитыми друзьями.

Они зашагали к двери, о чём-то разговаривая, и прошли мимо Алекса. На какое-то мгновение ему очень захотелось выбраться из укрытия прямо сейчас. В конце концов, он пришёл сюда, чтобы найти эту женщину. Нужно заговорить с ней до того, как она исчезнет в толпе. Но в то же время он был заинтригован. Сертификаты выпуска, холодовая цепь... Интересно, о чём они говорили? Он снова решил, что стоит сначала узнать немного подробностей, прежде чем показать себя.

Он вышел в коридор и направился к двери, из которой вышли миссис Ротман и её спутник. Открыв её, Алекс оказался в большой комнате, вполне достойной названия дворцовой залы. Длинной не меньше тридцати метров, с рядом окон от пола до потолка, из которых открывался потрясающий вид на Гранд-канал. Пол был из полированного дерева, но почти всё остальное в зале было белым. Огромный камин из белого мрамора со светлым ковром из тигровой шкуры (Алекс вздрогнул; он не мог представить себе чего-то более отвратительного), расстеленным перед ним. Белые книжные шкафы у дальней стены, заполненные книгами в кожаных переплётах, а рядом со второй дверью – белый антикварный стол, на котором лежало что-то похожее на пульт управления телевизором. А в центре комнаты – мощный дубовый стол. Стол миссис Ротман? Алекс прошёл к нему.

Столешница была абсолютно пустой, не считая белой кожаной промокашки и тарелки с двумя серебряными перьевыми ручками. Алекс представил, как здесь сидит миссис Ротман. За таким столом может сидеть судья или президент компании, чтобы впечатлять посетителей. Он быстро огляделся, проверяя, нет ли в помещении камер наблюдения, затем открыл один из ящиков. Ящик был не заперт, но лежала в нём только писчая бумага и конверты. Тогда Алекс попробовал следующий ящик. Он, как ни странно, тоже открылся. В нём лежала брошюра с жёлтой обложкой и названием, напечатанным чёрными буквами:

КОНСАНТО ЭНТЕРПРАЙЗИС

Алекс открыл брошюру. На первой странице была фотография здания. Явно какие-то высокие технологии: высокое, угловатое, со стенами из зеркального стекла. Внизу – адрес: Виа-Нуова, Амальфи.

Амальфи. Миссис Ротман недавно упомянула это место.

Он перевернул страницу. Фотографии разных мужчин и женщин в костюмах и белых халатах. Может быть, сотрудники «Консанта»? В середине верхнего ряда Алекс увидел Гарольда Либермана. Текст под его именем, впрочем, был на итальянском языке, так что Алекс вряд ли смог бы что-нибудь о нем узнать. Он убрал брошюру обратно и открыл третий ящик.

Что-то двинулось.

Алекс был уверен, что в комнате он один. Его очень удивило, что комната никак не охраняется – особенно если это действительно рабочий кабинет миссис Ротман. Но он вдруг заметил, что что-то изменилось. Что именно, он понял лишь через несколько секунд, и у него тут же встали дыбом волосы.

«Ковёр из тигровой шкуры» встал.

Это был настоящий тигр. Живой и рассерженный.

Амурский тигр. Как Алекс это понял? Очень просто, по цвету. Полосы скорее белые и золотистые, чем оранжевые и чёрные, и их меньше, чем обычно. Зверь повернулся к нему,

окинув оценивающим взглядом, и Алекс попытался вспомнить, что знает об этом редчайшем виде. В природе амурских тигров осталось меньше пятисот, чуть больше проживает в неволе. Это самый крупный представитель семейства кошачьих в мире. И... да! Он умеет втягивать когти. Очень полезная информация для человека, на которого он сейчас набросится.

Потому что Алекс не сомневался – именно это сейчас и случится. Тигр, похоже, пробудился от глубокого сна, но сейчас не сводил с него взгляда жёлтых глаз, и Алекс буквально слышал, какие послания они передают в мозг тигра. Пища! Вот, точно, он вспомнил ещё кое-что. Амурский тигр в один присест может съесть почти пятьдесят килограммов мяса. Когда этот тигр с ним покончит, от него мало что останется.

Мысли вихрем кружились в голове Алекса. На что он вообще наткнулся во Дворце Вдовы? Что это за женщина, у которой в рабочем кабинете нет ни замков, ни камер, но зато у стола она держит живого тигра? Зверь потянулся. Алекс увидел, как под шерстью перекачиваются мышцы. Он попытался сдвинуться с места, но не смог. Что с ним происходит? А потом он понял – его охватил ужас. Совершенно парализовал. Он стоит в нескольких шагах от хищника, который много веков держал в страхе полмира. Было практически невозможно поверить, что этот зверь оказался в ловушке в венецианском дворце, но вот он, перед Алексом. И важно только это. В конце концов, тигру не важно, в каком интерьере растерзать жертву, правильно?

Тигр низко, утробно зарычал. Алекс ещё никогда не слышал настолько пугающего звука. Он попытался найти силы, чтобы сдвинуться с места, за чем-нибудь спрятаться. Но не смог.

Тигр шагнул вперёд. Он готовился к прыжку. Его глаза потемнели. Зверь открыл пасть, обнажив два ряда белых, острых как ножи зубов. Затем он снова зарычал, уже громче и раскатистее.

И прыгнул.

Наводнение

Алекс сделал единственное, что ему ещё оставалось. На него уже летел двухсоткилограммовый рычащий тигр, так что он упал на колени и заполз под стол. Тигр приземлился над ним. Алекс чувствовал огромную массу, от которой его отделяла лишь столешница – и тигр уже начал скрести её когтями. В голове Алекса пронеслись две мысли. Во-первых – насколько это невероятно: встретиться лицом к лицу с живым тигром. Во-вторых – если он не выберется из комнаты, да поскорее, эта мысль может стать последней в его жизни.

На выбор у него были две двери; ближняя из них – та, через которую он вошёл. Тигр стоял задними лапами на полу, а передними – на столе; зверь явно немного растерялся. В лесу он бы нашёл Алекса мгновенно, но этот мир был для него чужим. Алекс воспользовался этим шансом и бросился вперёд. Лишь выбравшись из-под хлипкой защиты стола, он понял, что не успеет.

Тигр следил за ним. Алекс извернулся, держа руки за спиной и повернув ноги набок, и попытался встать. Передние лапы тигра по-прежнему неподвижно лежали на столе. Алекс понял, что дверь слишком далеко, а спрятаться больше некуда. Его вдруг охватил гнев. Не нужно было вообще заходить сюда. Почему он был так неосторожен?

Тигр зарычал. То был глубокий, сотрясающий воздух звук, от которого кровь стыла в жилах. Проще говоря, звук самого страха.

А затем открылась вторая дверь, и в комнату вошёл человек.

Алекс не сводил глаз с тигра, но заметил, что на этом человеке нет костюма. Он был одет в рубашку-поло, джинсы и кроссовки; одежда выглядела неброской, но очень дорогой. А судя по тому, как рубашка обтягивала мышцы рук и груди, он держал себя в отличной форме. Он был молод, лет двадцати пяти. Чернокожий.

Но что-то с ним было не так.

Он повернул голову, и Алекс увидел, что одна сторона лица покрыта странными белыми пятнами, словно он пережил химический ожог или, может быть, пожар. А потом Алекс заметил его руки. Они тоже были разного цвета. Этот человек должен был быть красавцем, но на самом деле оказался изуродован.

Незнакомец мгновенно оценил ситуацию. Он увидел тигра, уже готового к прыжку, и тут же потянулся к пульту управления, который Алекс заметил на столе. Направив его в сторону тигра, он нажал кнопку.

И произошло невозможное. Тигр спустился со стола. Его глаза потускнели, и он безучастно улёгся на пол. Алекс уставился на него. Тигр за несколько секунд превратился из ужасного чудовища в простого огромного кота. А затем уснул: его грудь мерно вздымалась, глаза закрылись.

Как это работает?

Алекс посмотрел на человека, вошедшего в комнату. Он по-прежнему держал непонятный пульт управления в руке. На какое-то мгновение Алекс задумался: этот зверь вообще настоящий? Может быть, это просто робот, которого можно включать и выключать с пульта? Нет, глупости. Тигр был к нему достаточно близко, чтобы успеть разглядеть его во всех подробностях. Он ощущал запах его дыхания. Он видел, как он слегка подёргивается, вернувшись во сне в родные сибирские леса. Это настоящий, живой тигр. Но его каким-то образом просто отключили, словно лампочку. Алекс ещё никогда не попадал в настолько непонятную ситуацию. Он проследил за яхтой с изображением серебряного скорпиона, и она привела его в какую-то итальянскую страну чудес.

– *Ki sei? Cosa fai qui?*

Незнакомец обращался к нему. Отдельных слов Алекс не понимал, но понял суть. *Кто ты такой? Что ты здесь делаешь?* Он поднялся; больше всего сейчас ему хотелось переодеться. В костюме он чувствовал себя полуголым и ужасно уязвимым. Интересно, Том до сих пор ждёт его снаружи? Хотя нет. Алекс сказал ему возвращаться в гостиницу.

Незнакомец повторил вопрос. У Алекса не было выбора.

– Я не говорю по-итальянски, – сказал он.

– Ты англичанин? – без какого-либо акцента спросил тот на родном языке Алекса.

– Да.

– Что ты делаешь в кабинете миссис Ротман?

– Меня зовут Алекс Райдер...

– А меня зовут Найл. Но я тебя спрашивал о другом.

– Я ищу Скорпию.

Незнакомец – Найл – улыбнулся, обнажив идеальные зубы. Теперь, когда на тигра отвлекаться уже не было нужды, Алекс сумел рассмотреть его получше. Если бы не проблема с кожей, он был бы настоящим красавцем. Гладко выбритый, элегантный, в идеальной физической форме. Волосы были пострижены очень коротко, возле ушей – выбриты волнистой линией. Он выглядел совершенно расслабленным, но Алекс понимал, что он уже стоит в боевой стойке, опираясь на носки. Этот человек был опасен; он лучился самоуверенностью и контролем. Он даже не встревожился, увидев в кабинете подростка – скорее, даже развеселился.

– Что ты знаешь о Скорпии? – спросил Найл. Его голос был мягким, он идеально выговаривал каждое слово.

Алекс ничего не ответил.

– Ты слышал это имя внизу, – сказал Найл. – Или, может быть, увидел здесь, в ящике стола. Ты рылся в столе? Для этого пришёл сюда, да? Ты вор?

– Нет.

Алекс решил, что с него хватит. В любой момент в кабинет может прийти ещё кто-нибудь. Пора бежать. Он отвернулся и бросился к двери, через которую сюда вошёл.

– Ещё один шаг, и, боюсь, мне придётся тебя убить, – предупредил Найл.

Алекс не остановился.

Он слышал лёгкие шаги за спиной. Идеально рассчитав время, в последний момент он остановился, развернулся и нанёс удар ногой назад. Его пятка должна была врезаться прямо в живот противника, сбив ему дыхание, а может быть, даже и пошлав в нокаут. Но через мгновение, изумившись, Алекс понял, что лишь рассёк ногой воздух. Найл либо заранее понял, что он задумал, либо сумел с невероятной скоростью увернуться.

Алекс продолжил разворот, чтобы завершить комбинацию ударом кулака – *кид-зами-дзуки*, – которому научился на карате. Но было уже поздно. Найл снова увернулся, затем взмахнул рукой, словно косой, повернув её ребром ладони. Движение было невероятно быстрым, и Алекса словно ударили здоровенной доской. Он чуть не упал с ног. Комната вокруг поплыла, потом у него потемнело в глазах. Он в отчаянии попытался встать в защитную стойку – скрестил руки, опустил голову. Но Найл ждал и этого. Алекс почувствовал, как на шее смыкаются крепкие пальцы. Другая ладонь прижалась к виску. Сейчас Найл мог одним движением свернуть ему шею.

– Не надо было так делать, – протянул Найл, словно разговаривая с маленьким ребёнком. – Я тебя предупреждал, ты не послушался. Теперь ты умрёшь.

Ослепительная боль, вспышка белого света – а потом ничего.

Алекс пришёл в себя с чувством, словно ему оторвали голову. Даже после того, как он открыл глаза, зрение вернулось к нему лишь через несколько секунд. Он попытался двинуть рукой и с облегчением понял, что кулак сжать удалось. Значит, шею ему всё же не сломали.

Что же тогда произошло? Скорее всего, Найл в последний момент отпустил его голову и очень сильно ударил локтем. Алекс потерял сознание, но он ещё никогда не приходил в себя, чувствуя такую сильную боль. Найл хотел его убить? Почему-то он в этом сомневался. Даже этой краткой стычки Алексу оказалось достаточно, чтобы понять: ему противостоял настоящий мастер рукопашного боя, который всегда точно знает, что делает, и не ошибается.

Найл послал Алекса в нокаут одним ударом и притащил сюда. Где он? Голова всё ещё гудела, но Алекс всё же сумел осмотреться, и ему совсем не понравилось увиденное. Он оказался в маленькой комнатке – судя по всему, где-то в подвале дворца. Стены, наклонные, как в погребе, были отделаны пятнистой штукатуркой. Пол недавно затопливали. Он стоял на решётке, сделанной из сырого, прогнившего дерева. Комнату освещала единственная лампочка, прикрытая грязным стеклом. Окон не было вообще. Алекс вздрогнул. Здесь было холодно, несмотря даже на жаркий сентябрьский вечер. Заметил он и ещё кое-что. Проведя пальцем по стене, он нащупал слизь. Ему казалось, что погреб просто выкрасили в грязно-зелёный цвет, но теперь Алекс понял, что вода не просто затопливала пол. Она поднималась здесь до потолка. Даже лампочка в какой-то момент уходила под воду.

Чувства постепенно возвращались к Алексу. Он ощутил запах воды в воздухе, потом – вонь гниющих овощей, грязи и соли из венецианских каналов. Он даже слышал, как течёт вода. Она плескалась не за стеной, а где-то внизу. Алекс опустился на колени и осмотрел пол. Одна из половиц была расшатана, и ему удалось повернуть её и проделать узкое отверстие. Сунув туда руку, он нащупал воду. Здесь выхода не найти. Он развернулся. Короткая деревянная лестница вела к надёжной на вид двери. Он подошёл к ней и навалился на неё всем телом. Дверь, тоже покрытая слизью, даже не сдвинулась с места.

И что теперь?

Алекс по-прежнему был одет в шёлковые шаровары и камзол. Они совершенно не защищали его от сырости и холода. Он подумал о Томе, и это ненадолго принесло утешение. Если он не вернётся в гостиницу до утра, Том наверняка поднимет тревогу. Рассвет уже близко. Алекс даже не представлял, сколько времени провёл без сознания, а часы он снял, когда переоделся в маскарадный костюм, о чём теперь очень жалел. По ту сторону двери не было никаких звуков. Похоже, ему оставалось только одно: сидеть и ждать.

Он присел в углу и обхватил себя руками. Золотая краска по большей части уже сошла, он чувствовал себя грязным и оборванным. Интересно, что Скорпия сделает с ним. Кто-нибудь – Найл или миссис Ротман – должны спуститься вниз, хотя бы для того, чтобы узнать, зачем он вообще сюда пробрался.

Как ни удивительно, Алексу удалось уснуть. А потом, вздрогнув, он проснулся с болезненным спазмом в шее. Его тело коченело от холода. Разбудил его громкий звук сирены. Он до сих пор слышал это завывание – не во дворце, а где-то далеко. А ещё в комнате что-то изменилось. Он посмотрел вниз и увидел воду, растекавшуюся по полу.

На мгновение он даже удивился. Где-то прорвало трубу? Откуда здесь вода? А потом, собравшись с мыслями, он всё же понял, что произошло. Скорпии он оказался неинтересен. Найл сказал ему, что он умрёт, и не соврал.

Сирена предупреждала о наводнении. Система оповещения работала в Венеции круглый год. Город стоит на уровне моря, а из-за ветра и атмосферного давления здесь нередко бывают шторма. Воду из Адриатического моря приносит в венецианскую лагуну, каналы выходят из берегов, и целые улицы и площади на несколько часов просто исчезают. Холодная чёрная вода уже сейчас, пузырясь, заполняла комнату. Как высоко она поднимется? Хотя этот вопрос не стоило даже задавать. Пятна на стенах доходили до самого потолка. Вода накроет его, и он будет беспомощно трепыхаться, пока не утонет. А затем вода сойдёт, и от его тела избавятся – может быть, просто утопят прямо в заливе.

Он вскочил на ноги, подбежал к двери и начал колотить в неё кулаками. Ещё он кричал, пусть и понимал, что это безнадежно. Никто не придёт. Всем наплевать. Он явно не первый, кого запирали здесь. Задашь слишком много вопросов, зайдёшь в комнату, в которую заходить нельзя, – вот и результат.

Вода всё прибывала. Высота уже была сантиметров пять – пол полностью пропал из виду. Окон не было, дверь была прочной, как камень. Выбраться можно было только одним способом, но он слишком пугал Алекса. Одна из половиц была расшатана. Может быть, где-то под ней большая труба? В конце концов, рассудил он, вода же должна как-то сюда попадать.

А прибывала вода всё быстрее. Алекс поспешно сбежал вниз по лестнице. Вода уже покрывала его лодыжки и почти доставала до колен. Он быстро посчитал: если вода и дальше будет прибывать с такой же скоростью, она полностью заполнит комнату минуты через три. Он снял камзол и отшвырнул его в сторону. Теперь он ему не нужен. Потом он пошёл вперёд, пытаясь нащупать ногой расшатанную половицу. Она была где-то посередине, и вскоре Алекс нашёл её, наткнувшись большим пальцем на выступающий край. Он опустился на колени, и вода достала ему до талии. Он даже не был уверен, сможет ли пролезть в это отверстие. А если и сможет, что его ждёт по ту сторону?

Он пошарил внизу руками. Прямо под ним было направленное вверх течение – значит, именно отсюда вода поступает в комнату. И, значит, именно так можно выбраться. Оставался единственный вопрос: а сможет ли он выбраться? Придётся лезть головой вперёд в маленькое отверстие, потом найти, откуда поступает вода, и плыть в ту сторону. Если он застрянет, то утонет вниз головой. Если труба будет слишком узкой, он уже не сможет вернуться. Алекс стоял на коленях перед лицом самой жуткой из возможных смертей. А вода, безжалостная и холодная, поднималась всё выше по его спине.

Его охватила горькая злоба. Вот такую судьбу ему пообещал Ясен Григорович, да? Он приехал в Венецию только для этого? Сирены по-прежнему завывали. Вода уже накрыла первые две ступеньки и плескалась возле третьей. Алекс выругался, затем сделал несколько глубоких вдохов, стараясь максимально насытить кровь кислородом. Набрав в лёгкие столько воздуха, сколько возможно, он упал на пол и головой вперёд полез в отверстие.

Пролезть удалось с трудом. Края деревянных половиц больно впивались в плечи, но он всё же сумел просунуть руки, и двигаться стало уже легче. Плыть придётся совершенно вслепую. Даже если бы Алекс и открыл глаза, вода была бы совершенно чёрной. Она давила на ноздри и губы, ледяная, вонючая. Боже! Какая отвратительная смерть. Живот в отверстие пролез, а вот бёдра застряли. Алекс извернулся как змея и всё же сумел высвободиться.

Воздух уже заканчивался. Он на мгновение подумал, не стоит ли вернуться обратно, но потом его снова охватила паника – он понял, что оказался в трубе, которая ведёт вертикально вниз. Плечи ударились о кирпичную кладку. Он оттолкнулся ногой и почувствовал острую боль – ступня ударилась о стену, окружавшую его. Вокруг лица и шеи кружилась вода – струи-верёвки, которые хотели навсегда связать его и обречь на чёрную смерть. Лишь сейчас, когда пути назад уже не было, он осознал весь ужас ситуации. Он сумел пробраться в этот колодец, или что это ещё там могло быть, только потому, что ещё маленький. Но места для манёвра не оставалось. Стены уже касались его со всех сторон. Если труба станет ещё хоть чуть-чуть уже, он застрянет.

Алекс заставил себя двигаться дальше. Вперёд и вниз, нащупывая дорогу руками. Больше всего он боялся, что сейчас они коснутся металлической решётки, и станет ясно, что Найл запланировал эту жестокую шутку с самого начала. Лёгкие сильно напряглись, давление било в грудь. Он пытался не паниковать, понимая, что лишь быстрее израсходует оставшийся воздух, но мозг уже кричал ему: остановись, вдохни, сдайся, смиришься с судьбой.

Вперёд и вниз. Алекс мог задержать дыхание на две минуты. А нырнул он максимум минуту назад. Не сдаваться! Просто двигаться вперёд...

Он уже продвинулся метров на десять-пятнадцать в глубину. Алекс протянул руку, и пальцы наткнулись на кирпичи. Он невольно всхлипнул, и несколько драгоценных пузырьков воздуха сорвались с его губ и уплыли вверх, мимо его отчаянно дёргающихся ног. Сначала ему показалось, что это тупик. Алекс на долю секунды открыл глаза, но это вообще ничего не изменило. Хоть открывай глаза, хоть не открывай – вокруг абсолютная темнота. Сердце на мгновение перестало биться. В этот момент Алекс понял, что же такое смерть.

Но затем другой рукой он нащупал изгиб в стене и понял, что шахта колодца наконец-то уходит в сторону. Он добрался до самого низа удлинённой буквы J, и теперь нужно как-то преодолеть поворот. Может быть, именно там колодец наконец-то соединяется с каналом? Поворот оказался ещё более узким. Мало одного течения: теперь кирпичная кладка ещё и царапала ноги и грудь Алекса. Он понимал, что воздуха осталось уже совсем мало. Лёгкие болели, голова начинала кружиться. Он вот-вот потеряет сознание. С другой стороны, это даже хорошо. Может быть, он даже и не почувствует, как вода заливается в рот и заполняет лёгкие. Уснёт навсегда ещё до того, как умрёт.

Алекс свернул за угол. Его руки на что-то наткнулись – на какую-то решётку, – и он сумел подтянуть к себе ноги. А потом понял, что худшие опасения подтвердились. Он добрался до конца колодца, но там его ждал барьер, круглая решётчатая дверь. Он держался за неё. Выхода нет.

Возможно, он так разозлился из-за того, что проделал такой путь, а в самом конце его обманули, что это придало ему новые силы. Алекс надавил на решётку, и металлические петли, изъеденные трёхсотлетней ржавчиной, обломились. Решётка открылась, и Алекс проплыл через неё. В плечи уже ничего не упиралось, и он понял, что над ним нет ничего, кроме воды. Он оттолкнулся ногой и порезал бедро о зазубренный край решётки. Но боли он не почувствовал – лишь прилив отчаяния. Когда же всё наконец закончится?

Он плыл лицом вверх. Впереди по-прежнему ничего не было видно, но Алекс верил, что сможет всплыть. Маленькие пузырьки щекотали его щёки и веки, и он понял, что, сам того не желая, выдохнул последние остатки воздуха. На какой он сейчас глубине? Хватит ли ему времени, чтобы всплыть на поверхность? Он отчаянно отталкивался ногами и загребал руками – плыл кролем, только вертикально. Алекс снова открыл глаза, надеясь увидеть свет... луны, фонарей, чего угодно. И, похоже, он действительно увидел свет – белую полосу, мелькнувшую в поле зрения.

Алекс закричал. С его губ сорвалась гроздь пузырьков. А затем воздух прорезал и сам крик – он вынырнул на поверхность канала, освещённого рассветным солнцем. На какое-то мгновение его руки и плечи поднялись над водой, и он сделал огромный глоток воздуха, затем опустился обратно. Вокруг плескалась вода. Устроившись на спине, он сделал ещё один глубокий вдох. По лицу струились ручейки воды. Алекс понимал, что она смешана со слезами.

Он огляделся.

Похоже, сейчас часов шесть утра. Сирена всё ещё завывала, но вокруг никого не было. Это даже хорошо. Алекс плыл по самой середине Гранд-канала. Он увидел в полумраке расплывчатый силуэт Моста Академии. Луна всё ещё была в небе, но позади безмолвных церквей и дворцов постепенно поднималось солнце, озаряя лагуну неярким светом.

Алексу было так холодно, что он уже больше ничего не чувствовал, кроме смертельной хватки канала, который по-прежнему пытался утащить его вниз. Собрав последние силы, он доплыл до неровной каменной лестницы на дальней стороне Гранд-канала, вдали от Дворца Вдовы. Что бы ни произошло, он больше никогда не приблизится к этому месту.

Алекс был голым до пояса, сандалии потерял, а шаровары почти разорвались. По ноге текла кровь, смешиваясь с грязной водой канала. Он насквозь промок. У него не было денег, а до гостиницы, расположенной в пригороде Венеции, надо было ехать на поезде. Но Алексу было всё равно. Он выжил.

Он в последний раз посмотрел на тёмный, безмолвный дворец. Бал-маскарад уже давно закончился.

Алекс, хромая, поплёлся прочь.

Мысли в поезде

Том Харрис сидел в *пендолино* – скоростном поезде, который шёл от Венеции до Неаполя, – в вагоне второго класса, и смотрел из окна на проносившиеся мимо здания и поля. Он думал об Алексе Райдере.

Отсутствие Алекса, конечно же, прошлой ночью заметили. Мистер Грэй предположил, что он просто где-то задержался, но когда его кровать осталась пустой и в половину одиннадцатого, он забил тревогу. Мистер Грэй сообщил о пропаже в полицию, затем позвонил опекунше Алекса, американке Джек Старбрайт, в Лондон. В «Брукленде» все знали, что Алекс сирота – в том числе и это отличало его от всех остальных. Джек как-то удалось сгладить ситуацию.

– Вы же знаете, какой он, Алекс. Иногда он слишком любопытный, может слишком чем-нибудь увлечься. Спасибо, что позвонили, но я уверена: он придёт. Не беспокойтесь.

Но Том всё равно беспокоился. Он видел, как Алекс исчез в толпе возле Дворца Вдовы, и понимал, что его друга туда привело отнюдь не праздное любопытство. Он не знал, что делать. С одной стороны, ему очень хотелось рассказать мистеру Грэю о том, где они были и что делали. Алекс, может быть, до сих пор где-то во дворце, и ему нужна помощь. Но, с другой стороны, он боялся навлечь на себя проблемы... а может быть, заодно и навлечь ещё большие проблемы на Алекса. В конце концов он решил молчать. Выезд из гостиницы был назначен на половину одиннадцатого утра. Если Алекс так и не появится, то он расскажет всё о том, что случилось вчера.

Но Алекс позвонил в гостиницу в половину восьмого и сообщил, что уже едет в Англию. Настолько скучает по дому, что решил уехать пораньше. На звонок ответил мистер Грэй.

– Алекс, – сказал он. – Поверить не могу, что ты так поступил. Я несу за тебя ответственность. Пригласив тебя на экскурсию, я доверился тебе. А ты меня так подвёл.

– Простите, сэр.

Голос Алекса звучал совершенно несчастно. Именно так он и чувствовал себя на самом деле.

– Этого недостаточно. Из-за тебя мне могут запретить дальше устраивать такие поездки. Ты испортил жизнь всем.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – сказал Алекс. – Есть вещи, которые вы не понимаете. Я попробую вам всё объяснить, когда начнётся учебный год... ну, насколько получится. Мне на самом деле очень жаль, сэр. И я очень благодарен вам за то, что вы помогли мне этим летом. Но не беспокойтесь за меня. Со мной всё будет хорошо.

Мистеру Грэю много чего хотелось сказать, но он сдержался. За те многочисленные часы занятий, что они провели вместе, он хорошо узнал Алекса и относился к нему хорошо. А ещё он знал, что Алекс не такой, как все другие дети, которых ему доводилось учить. Он не поверил ни единому слову Алекса – ни тому, что он вдруг затосковал по дому, ни тому, что сейчас едет в Англию. Но иногда – очень редко – лучше просто не задавать вопросов.

– Удачи, Алекс, – сказал он. – Береги себя.

– Спасибо, сэр.

Остальным ребятам сообщили, что Алекс уже уехал. Мисс Бедфордшир собрала его вещи, а остальные были слишком заняты собственными сборами, чтобы думать ещё и о нём. Только Том знал, что Алекс солгал. Они жили в одном номере, и паспорт Алекса до сих пор лежал на его прикроватном столике. словно по наитию, Том решил забрать паспорт с собой. Он дал Алексу адрес своего брата в Неаполе. Вдруг он приедет туда?

Пейзаж за окном по-прежнему проносился мимо – унылый, как и всегда, когда смотришь на него через грязное окно вагона. Том попрощался с одноклассниками у дверей гостиницы. Остальные улетали обратно в Англию, а у него был билет на поезд до Неаполя, где его уже

ждал брат. Ему нужно было где-то убить шесть часов. В его рюкзаке лежали «Нинтендо-DS» и книга «Северное сияние». Том не очень любил читать, но учитель литературы сказал им, что за лето они должны прочесть хотя бы один роман. До начала учебного года оставалось всего несколько дней, а он добрался только до седьмой страницы.

Интересно, что случилось с Алексом? И почему он так стремился пробраться во Дворец Вдовы? Поезд стучал колёсами, оставив позади окраины Венеции, а Том думал о друге. Они познакомились два года назад. Тома, который как минимум вдвое уступал по габаритам всем одноклассникам, только что побили. Такое с ним случалось нередко. На этот раз на него напала кучка шестнадцатилетних мальчишек, которых возглавлял парень по имени Майкл Кук. Майкл настойчиво посоветовал ему купить им сигарет на его карманные деньги. Том вежливо отказал. Через несколько минут мимо него прошёл Алекс; он сидел на тротуаре, складывая потрёпанные книги обратно в рюкзак и вытирая кровь из разбитого носа.

– Ты как?

– Да нормально. Нос сломали. Отняли деньги. А ещё сказали, что завтра сделают то же самое. Но в остальном нормально.

– Майк Кук?

– Ага.

– Может, мне с ним поговорить?

– С чего ты взял, что он тебя слушает?

– Я умею подбирать слова.

На следующий день Алекс встретился с задирой и двумя его поделниками за навесом для велосипедов. Встреча вышла недолгой, но больше Майкл Кук никогда и ни к кому не лез. А ещё всю следующую неделю он хромал и говорил странным писклявым голосом.

Так началась их близкая дружба. Том и Алекс жили неподалёку друг от друга и часто вместе ездили домой на велосипедах. Во многих спортивных командах они были вместе – несмотря на небольшие размеры, Том был невероятно быстроногим. Когда родители Тома начали первые разговоры о разводе, он рассказал об этом только Алексу.

А Том, соответственно, знал об Алексе больше, чем кто-либо другой из «Брукленда». Он несколько раз бывал у него дома и познакомился с Джек, весёлой рыжеволосой американкой, которая не была ему ни няней, ни экономкой, но присматривала за ним. Родителей у Алекса не было. Все знали, что Алекс живёт с дядей – и, судя по обстановке дома, дядя был богат. Но потом он погиб в аварии. Об этом рассказали на школьном собрании, и Том пару раз пытался прийти к Алексу домой, но так его там и не застал.

После этого Алекс изменился. Началось всё после долгого отсутствия в школе в третьей четверти – тогда все подумали, что смерть дяди стала для него слишком сильным ударом. Но в четвёртой четверти он снова исчез. На этот раз никаких объяснений не последовало, никто даже не знал, где он. А когда они снова встретились, Том изумился тому, насколько же его друг изменился. Он явно пострадал – Том увидел несколько шрамов. Но ещё Тому показалось, что Алекс стал заметно старше. В его взгляде появилось что-то, чего не было раньше, словно он увидел что-то такое, о чём невозможно забыть.

А теперь ещё и Венеция! Может быть, мисс Бедфордшир действительно права, и Алексу на самом деле нужна помощь мозгоправа? Том вытащил из рюкзака «Нинтендо-DS», надеясь прогнать от себя эти мысли. Он понимал, что книжку всё-таки надо читать, и обещал себе, что вернётся к ней через две-три сотни миль... после того, как они проедут Рим.

Он понял, что рядом с ним кто-то стоит, и машинально сунул руку в карман в поисках билета. А потом поднял голову и вытаращил глаза. Перед ним стоял Алекс.

Он был одет в старомодные джинсы и мешковатую футболку, которые были ему велики минимум на размер. Весь перепачканный, волосы спутанные и непричёсанные. Том глянул вниз и увидел, что он босиком. В целом он выглядел очень усталым.

– Алекс? – с трудом выдавил из себя Том.

– Привет. – Алекс показал на пустое сиденье. – Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

– Нет. Садись...

У Тома был в распоряжении целый столик, что было просто замечательно. Другие пассажиры с ужасом разглядывали Алекса.

– Как ты сюда попал? Что случилось? Где ты взял эту одежду?

Вопросы вдруг посыпались один за другим.

– Одежду, к сожалению, пришлось украсть, – сознался Алекс. – Стащил её с бельевого верёвки. Но вот обувь найти не удалось.

– Что с тобой случилось вчера вечером? Я видел, как ты вошёл во дворец. Тебя нашли? Том наморщил нос.

– Ты в канал упал, или что?

Алекс был слишком утомлён, чтобы ответить хоть на один из этих вопросов.

– Я хочу попросить тебя об одной услуге, Том, – сказал он.

– Нужно спрятать тебя от полиции?

– Одолжи мне денег. Я не смог купить билет. Да и новая одежда не помешает.

– Ничего страшного. Денег у меня много.

– А ещё мне нужно будет немного пожить с тобой. Ну, у твоего брата. Можно?

– Конечно. Джерри не станет возражать. Алекс...

Но Алекс уже положил на стол руки, опустил на них голову и крепко уснул.

Поезд объехал Венецианский залив и начал набирать скорость, направляясь к югу.

* * *

Когда Алекс проснулся, поезд по-прежнему ехал среди итальянских полей. Он медленно потянулся, чувствуя себя уже заметно лучше. Поезд не просто уехал из Венеции – он увёз его от жутких приключений прошлой ночи. Выпрямившись, он увидел Тома, пристально смотревшего на него. Между ними на столе лежали сандвич, пачка печенья и банка «Кока-колы».

– Я подумал, ты проголодаешься, – сказал Том.

– Помираю от голода. Спасибо. – Алекс открыл банку с колой. Она была тёплой, но ему было всё равно. – Где мы вообще?

– Час назад проехали Рим. Наверное, скоро уже доедем до места.

Том дождался, пока Алекс допьёт, и отложил книгу.

– Ужасно выглядишь, – заметил он. – Расскажешь, что случилось вчера?

– Конечно.

Ещё до того, как сесть в поезд, Алекс решил, что расскажет Тому всё. Дело было не только в том, что ему нужна помощь Тома. Он уже устал врать.

– Но не уверен, что ты мне поверишь, – добавил он.

– Ну, я уже два с половиной часа читаю книжку, – сказал Том, – и добрался только до девятнадцатой страницы. Так что, пожалуй, предпочту послушать тебя, что бы ты ни сказал.

– Ну хорошо...

Алекс рассказал всю правду о себе только одному человеку – своей подруге Сабине Плэжер. Она ему не поверила – по крайней мере, до тех пор, пока её не похитили, связали и посадили в подвал загородного особняка, которым владел сумасшедший мультимиллионер Дамьен Крэй. Теперь же Алекс рассказал Тому всё то же самое, что и ей, начав с правды о смерти дяди и закончив побегом из затопленной комнатки прошлой ночью. И, что страннее всего, рассказывать ему понравилось. Он не хвастался тем, что он шпион и работает на тайную разведку. Напротив, он слишком долго был слугой МИ-6, и его заставляли молчать обо всём, что он сде-

лал. Его даже заставили подписать официальные бумаги о неразглашении. Рассказав правду, он сделал ровно то, что хотели ему запретить, и это помогло ему сбросить с души большой камень и обрести чувство, что он сам контролирует ситуацию.

– ...Я не мог вернуться в гостиницу. У меня не было ни денег, ни обуви. Но я знал, что ты собираешься в Неаполь, так что я пошёл на вокзал и дождался тебя. Потом пробрался в поезд вслед за тобой. Ну и вот он я.

Алекс договорил и теперь нервно ждал ответа Тома. За предыдущие двадцать минут Том не проронил ни слова. Неужели он, как и Сабина, сейчас развернётся и уйдёт?

Том медленно кивнул.

– Звучит логично, – наконец проговорил он.

Алекс уставился на него.

– Ты мне веришь?

– Я просто не вижу, чем ещё можно объяснить всё, что с тобой происходит. Почти не бываешь в школе. Все эти шрамы и кровоподтёки. Не, ну я ещё думал, что тебя может избивать твоя экономка, но это как-то совсем невероятно. Так что... да. Я верю, что ты в самом деле шпион. Но это жуть вообще, Алекс. Хорошо, что шпион – ты, а не я.

Алекс не смог сдержать улыбки.

– Том, ты в самом деле мой лучший друг.

– Рад помочь. Но кое-что ты мне всё-таки не рассказал. Почему тебя вообще заинтересовала эта Скорпия? И что ты собираешься делать в Неаполе?

Об отце Алекс рассказывать не стал. Эта история до сих пор мучила его и была слишком личной, чтобы хоть с кем-нибудь ею делиться.

– Я должен найти Скорпию, – начал он, немного помолчал, затем продолжил, осторожно подбирая слова. – По-моему, мой папа как-то был с ними связан. Я вообще не знал его. Он умер вскоре после моего рождения.

– Они его убили?

– Нет. Трудно объяснить. Я просто хочу узнать о нём побольше. Никогда не встречался ни с кем, кто бы знал его. Даже дядя о нём особенно ничего не говорил. Я просто должен узнать, кто он.

– А Неаполь?

– Я слышал, как миссис Ротман говорила о какой-то компании в Амальфи. Это недалеко от Неаполя. По-моему, она называется «Консанта». Я увидел это название в какой-то брошюре в её столе, а ещё в этой брошюре была фотография человека, который с ней говорил. Она сказала, что поедет туда через два дня. Это уже завтра. Мне интересно, зачем она туда собралась.

– Но Алекс... – нахмурился Том. – Ты натолкнулся на того чёрного парня, Найла...

– Он на самом деле не совсем чёрный. Скорее... как бы так сказать... чёрно-белый.

– Едва ты упомянул Скорпию, он запер тебя в погребе и попытался утопить. Зачем возвращаться? Они, похоже, не слишком-то хотят с тобой разговаривать.

– Знаю.

Том был прав, Алекс не мог этого отрицать. А о миссис Ротман ему узнать не удалось почти ничего. Он даже не мог быть уверен, что она как-то связана со Скорпией. Единственное, в чём он был уверен, так это в том, что она – или люди, которые работают на неё, – совершенно безжалостна. Но отступить он не мог. По крайней мере, не сразу. Ясен Григорович показал ему дорогу, и он должен был пройти её до конца.

– Я просто хочу посмотреть, вот и всё.

Том пожал плечами.

– Ну, полагаю, проблем хуже, чем с мистером Грэм, у тебя точно не будет. По-моему, он собирается тебя прикончить, как только ты переступишь порог школы.

– Ага. Знаю. По телефону он говорил как-то недовольно.

Они ненадолго замолчали. Поезд без остановки пронёсся мимо какой-то станции, освещённой яркими неоновыми лампами.

– Должно быть, это для тебя очень важно, – сказал Том. – Ну, узнать что-то о папе.

– Да. Важно.

– Мои мама и папа уже не первый год только и делают, что ссорятся и орут друг на друга. А теперь они решили расстаться и ссорятся ещё и из-за этого. Мне на самом деле на них наплевать уже. По-моему, я их даже не люблю.

На какое-то мгновение лицо Тома омрачилось такой печалью, какой Алекс не видел никогда.

– Так что... да, я понимаю тебя, и надеюсь, что ты узнаешь о своём папе что-нибудь хорошее. Потому что я о своём вообще ничего хорошего сказать не могу.

Джерри Харрис, старший брат Тома, встретил их на вокзале и отвёз на такси к себе домой. Ему было двадцать два года; он приехал в Италию, чтобы провести там год между школой и университетом, а потом забыл вернуться. Алексу он сразу понравился. Джерри был совершенно беспечным, худым (или даже скорее тощим), с отбелёнными волосами и вечной кривой ухмылкой. Он совершенно не удивился тому, что Алекс явился без приглашения, и не задал ни единого вопроса – ни о внешности, ни как Алекс доехал из Венеции босиком.

Он жил в Испанском квартале города, на типичной неаполитанской улице – узкой, с пяти-шестиэтажными домами по обе стороны и бельевыми верёвками, висящими между ними. Подняв голову, Алекс увидел потрясающий калейдоскоп из обваливающейся штукатурки, деревянных ставней, резных перил, карнизов-клумб и террас, на которых сидели разговорчивые итальянки, болтая с соседками. Джерри снимал квартиру на верхнем этаже. Лифта в доме не было. Они втроём поднялись по извилистой лестнице. На каждом этаже их встречали свои запахи: дезинфицирующее средство и детский плач на втором, макароны и скрипичные пассажи на третьем...

– Вот мы и пришли, – объявил Джерри, открывая дверь. – Чувствуйте себя как дома.

Квартира оказалась открытой планировки, почти без мебели, с белыми стенами, деревянным полом и красивым видом на город. В углу располагалась кухня, где все свободные поверхности были уставлены грязной посудой; с другой стороны была дверь, ведущая в небольшую спальню и уборную. Кто-то умудрился затащить на верхний этаж побитый жизнью трёхместный кожаный диван. Он стоял прямо посреди комнаты, окружённый спортивным инвентарём, в том числе и незнакомым Алексу. Два скейтборда, верёвки с крючьями, огромный воздушный змей, монолог и что-то похожее на парашют. Том уже рассказал Алексу, что его брат увлекается экстремальным спортом. Он преподавал в Неаполе английский язык как иностранный, но всю зарплату тратил на поездки в горы, на сёрфинг и тому подобное.

– Есть хотите? – спросил Джерри.

– Ага. – Том плюхнулся на диван. – Часов шесть ехали в поезде. У тебя есть что-нибудь?

– Прикалываешься, что ли? Нет, конечно. Сходим, купим пищу или ещё что-нибудь такое. Как вообще дела, Том? Как мама и папа?

– Всё по-старому.

– Настолько плохо? – Джерри повернулся к Алексу. – Родители у нас отстой полный. Уверен, брат тебе уже рассказывал. Ну, блин, они называли его Том, а меня Джерри. Куда ещё хуже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.